

Елена Стриж

*Любовь
есть единственная
разумная деятельность человека*

Ракушка

*Сволочи
Почему бы и нет
Ракушка*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. Эротика. Любовь есть
единственная разумная деятельность

Елена Стриж

Ракушка

«Автор»

2020

Стриж Е.

Ракушка / Е. Стриж — «Автор», 2020 — (А. Эротика. Любовь есть единственная разумная деятельность)

ISBN 978-5-532-99500-0

У любви много форм, и у каждого она своя. В книгу вошли три произведения: «Сволочи», «Почему бы и нет» и «Ракушка». Первое рассказывает о непростой судьбе Оксаны, которая хорошо помнила любимого человека, но он сделал ей очень больно. Потом был еще мужчина, и опять боль, но в этот раз героиня узнает о своей странной способности. Мужчины становятся с ней ласковым как котики. Но что это за способности? «Почему бы и нет» — трагедия на производстве, и вот муж в больнице. Оксана любила мужа и рискнула всем, чтобы поднять его на ноги, но какова была благодарность мужа? "Ракушка" - Марина оказалась в центре интриг, она стала всем мешать, но это только верхушка айсберга. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99500-0

© Стриж Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Автор рекомендует:	5
Сволочи	6
1. Тебе понравилось?	6
2. Ты мой друг?	8
3. Развод	11
4. Любишь ловить на удочку?	13
5. Точно жена	15
6. Черная вдова	17
7. Идем на кухню	19
8. И что теперь?	22
9. Я тебя не учу	24
10. Будь ты проклят!	26
11. Сейчас все лечится	28
12. Крысиные бега	30
13. Вы, наверное, меня не за ту приняли	32
14. Вон!	34
15. Стой здесь	36
16. Уходите и больше не появляйтесь	38
17. Возьмите котёнка	40
18. Сработало ведь, сработало	43
19. Мусор, он вам нужен?	45
20. Дар	47
21. Я тебе помогу	49
22. Раз, два, три, четыре, пять, сволочи, я иду искать...	51
Почему бы и нет	54
Часть 1	54
1. Нет, он не придет	54
2. Звонящий звук смерти	56
3. Страх прячется внутри	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Стриж

Ракушка

Автор рекомендует:

Серия: Любовь есть единственная разумная деятельность
«Цветные голоса», «Умышленная блокировка», «Погружение», «Хвостик», «Щекотка», «Я не такая», «За стеклом», «Крик», «Три К», «Ракушка», «Беги».

Серия: Розовый бархат

«Розовый бархат», «Что там?», «Тишина», «Щекотка», «Шепот», «Погружение».

Серия: Крик

«Стук», «SEX-машина»

Серия: Любовь в процентах

«Начало. Часть 1», «Игрушка», «Любовь в процентах».

Серия: Щекотка

«Почему бы и нет», «Котятки», «Круг», «Маньяк», «Клеймо», «Сволочи», «Клуб», «Мармеладка».

Серия: Тетрадка

«Черновик-1», «Черновик-2», «Черновик-3»,

Сволочи

1. Тебе понравилось?

– Тук-тук, сволочь. Если ты не спрятался, я не виновата, – сказала Оксана и нажала на звонок.

Она настойчиво жала на черную кнопку. Наконец за дверью послышались шаги, в глазке промелькнула тень. «Козел, еще смотрит», – возмутилась она и пнула дверь. Щелкнул замок, дверь открылась.

– Ты там вообще что делаешь? – возмутилась она и улыбнулась. – Пустишь или как?

– Извини, проходи. Я был в ванной, ну, понимаешь, после работы. Рад тебя видеть. Просто думал, что Света вернулась. Она опять у тебя скрывается?

– Какой ты догадливый. На ее месте я бы вообще убежала на край света. Ты бы надел что-то, я же не твоя жена, чтобы любоваться твоим голым животом.

– Да он вроде ничего, – и шлепнул по нему ладонью.

– Толстый он у тебя, словно уже седьмой месяц. Что так опустился? Ешь много? Одевайся и идем в зал, дело есть.

Оксана хорошо знала Женю, иногда он был добрым и ласковым, а иногда, как его называла сама Света, бешеным придурком. Он работает в полиции, в этом году получил звание майора. Весь гладенький, ухоженный, разве что не спортивный, может, сидячая работа, или уже полагается по званию, но он опустился.

– Присаживайся.

– Может, чего-нибудь горяченького?

– Ты же знаешь, я не пью, а себе наливай. Поможет пережить, что скажу.

«Ну что, сволочь, приступим», – подумала Оксана и открыла сумочку.

За несколько лет до этого.

В самый неподходящий момент Оксана заболела и после экзаменов в школе слегла в постель. Экзамены в институт, к которым она готовилась целый год, пролетели мимо. Она еще больше расстроилась, узнав, что ее мама едет к своей сестре в Санкт-Петербург, у той умер муж и теперь она в депрессии сидит дома. Поэтому Оксана, собрав чемодан, отправилась вместе с мамой к тете.

– Останься у меня, поживи хотя бы до нового года, а может даже до весны. Комната есть, рядом художественное училище, походишь туда на практику, порисуешь, подготовишься, а на следующий год поедешь поступать. Ну, как тебе мое предложение? – спросила тетя Тамара.

Оксана была даже не против. Дома был ее младший брат со своей музыкой, от которой болела голова, да еще его друзья, после которых приходилось наводить порядок в доме.

– Я не против.

– А по выходным мы будем гулять по музеям и паркам и есть пиццу, – обрадовалась тетя Тамара.

– Хорошо, – радостно сказала Оксана. Хотя понимала, что ее тетя вряд ли будет где-то гулять, мама всегда говорила, что она, словно домашняя кошка, боится выйти на улицу.

И все же пожить пару месяцев в чужом городе – это не плохо. Первое время Оксана только и делала, что ходила по городу. Мама прислала ей все необходимое для рисунков, и Оксана засела за работу. Но долго не выдержала и стала искать подработку. Тут проблема была не только в том, что она не могла долго сидеть дома, еще ей нужны были деньги. Нашла

объявление, прошла собеседование, сделала медкнижку и стала работать в ресторане быстрого приготовления, а вернее, быстро.

График был плавающий: два дня работы, два дня выходной. Оксана успевала отдохнуть, позаниматься цветами тети, их в доме было полно, а еще порисовать. Но тут на горизонте появился он. Черненький, словно смоль волосы, глаза как уголек, грудь колесом, словно он тут самый главный. А как он красиво говорил. Вот Оксана и растаяла. И вместо того, чтобы в феврале уволиться и поехать домой, она осталась.

Оксана влюбилась в этого юношу. Он ждал ее у кафе, когда она сдаст дежурство, а после они шли по ночному городу и скромно, словно первый раз, целовались. «Что? Неужто я втюрилась?» – спрашивала она себя и не верила в то, что не могла уснуть, не подумав о нем.

А когда у Оксаны был выходной, и тетя Тамара ушла на работу, она сама позвонила Игорю и пригласила его к себе. Это было впервые в ее жизни, она мечтала об этом. И вот ее уголек, так она стала называть Игоря, снял с нее одежду. Она не знала, что такое секс, но с легкостью отдалась ему. Она млела, рассматривая его грудь, чувствовала его руки, когда он прикоснулся к ней, а потом долго целовала.

– Тебе понравилось? – спросил он.

А она даже не знала, что и сказать, только прошептала:

– Да, это было удивительно.

А потом они тайком встречались в подъезде, в парке, и еще несколько раз у нее дома. И каждый раз у нее появлялись крылья, и Оксана летала. Если это есть счастье любви, то она хотела быть вечно счастливой.

А потом...

2. Ты мой друг?

А потом вдруг все изменилось, словно подул ветер, и свеча погасла. Оксана сказала, что весной вернется к маме и ей надо поступать в институт. Игорь звонил по несколько раз в день, но на работе есть правило: телефон лежит в раздевалке. Он названивал и злился, а тут кто-то из ребят, узнав номер его телефона, решил помочь Оксане и стал слать эсэмэски: «Мы ее любим, не переживай» или: «Она с нами, сейчас на работе». Это Игоря не успокоило, а наоборот стало злить, словно Оксана избегает его.

Она летала в облаках. Думала, что вернется домой и расскажет про любовь своей подружке Свете, с которой они пять лет просидели за одной партой. Оксана пришла к Игорю в дом, и тут он в порыве своих чувств, так ей показалось, стал настырно приставать, а после задирает юбку и снимать водолазку. Она была не против, даже хотела сама. Но его действия с каждой секундой становились неуправляемыми и агрессивными. И в какой-то момент Оксана испугалась.

– Прекрати, прекрати! – закричала девушка. – Мне больно, остановись, порвешь...

Но это никак не подействовало на юношу. Он словно сорвался с цепи, словно чего-то обкурился. Повалил девушку на пол, а после, жулькая ее тело, разрывая колготки и трусики, сделал то, к чему так стремился. Оксана лежала и не верила тому, что произошло. Еще вчера была любовь, и вдруг все оборвалось, словно ты читал удивительный роман: перелистываешь на самом интересном месте листок, а там ничего, книга порвана.

Довольный собой, словно пиявка, насосавшись крови, Игорь отвалился в сторону. Оксана дрожала всем телом, встала, надела то, что еще могла надеть и, уже подойдя к двери, заорала:

– Ты сволочь! Ты меня изнасиловал, изнасиловал! Сволочь, сволочь!

– Да ты же сама...

– Насильник, подонок, сволочь!!!

Он вскочил и бросился к ней, не то обнять, не то удержать, чтобы она не кричала так в подъезде, а может, даже извиниться за свое поведение. Но Оксана успела выскочить на площадку и, шлепая незастегнутыми босоножками, побежала вниз.

– Почему, почему? – уже придя домой, спрашивала она себя. – Почему, почему?

Она не знала, что случилось, и почему он так поступил. Еще вчера она была счастливой и вот теперь с омерзением вспоминала его.

Звонок в дверь отвлек Оксану от мрачных мыслей, она подошла и открыла дверь. Игорь ворвался в квартиру.

– Ты красивая, ты...

– Убирайся!

Она быстро побежала в комнату в надежде закрыть за собой дверь. Оксана знала разницу между словами «красивая» и «люблю». Если вам нравится цветок, вы можете его сорвать, а если любите, то будете поливать.

Игорь догнал ее и схватил за руку. Она испугалась, что все может повториться, свободной рукой схватила табуретку, что стояла у входа и не задумываясь ударила юношу по лицу. А когда он упал, она подошла и ударила еще несколько раз.

Он убежал с разбитым носом, а вечером, когда тетя была дома, пришла полиция составлять протокол. Ее действия были признаны как оправданная самозащита. Оксана умолчала, что он с ней сделал, было стыдно. А после возвращения к маме домой она узнала, что забеременела. С гадкой мыслью Оксана пошла делать аборт, не могла даже представить, что родит ребенка от этого злого человека. Воспаление, из-за которого чуть было опять не пропустила экзамены. И все же Оксана поступила в институт и, радостно прибежав к Свете домой, рассказала эту новость.

– Теперь будем вместе ходить, – только подружка перешла на второй курс, а она на первый.

– Как твой Женя?

Оксана знала, что Света познакомилась с милым юношей, его дед немец, из бывших военнопленных. Остались жить в СССР, отец женился на украинке и теперь у них двое детей, мальчик и девочка. Женя – милый юноша, всегда собранный, с дипломатом, словно работает в администрации. Его галстуки были безупречны. Даже если на улице жарко, он всегда его надевал.

– Он хочет стать преподавателем, привыкает, – говорила Света.

– А разве это важно?

– Ну, ему все важно. Ты бы видела, как у них дома. Обувь словно по линейке стоит, а если на полу соринки, то его отец сразу идет за веником. Боюсь что-то делать, словно я чумная какая-то.

– Да брось, в этом что-то есть.

– Ну да, но только не жить в такой стерильной чистоте. Даже страшно.

– А как тогда они хлеб режут?

– Не знаю, – ответила Светлана и засмеялась.

Они часто делились своими тайнами, шептались и рассказывали новости.

– Тебя Степа спрашивал, – сказала Света.

– Когда?

– Сегодня утром, заходил на кафедру. Кстати, уже не первый раз.

Степа не так давно женился на Ирине. Самого юношу она знала плохо, а вот с Ириной они вместе учились в художественной школе. Поэтому Оксана уважала ее не только как прекрасного специалиста, который умел рисовать акварелью, но и как подружку.

– Степ.

– Да, Оксан, – он поймал ее, когда она выходила из института.

– Ты мой друг?

– Да.

– Тогда давай так и останемся друзьями.

Оксана не хотела устраивать интрижек, не могла предать Ирину, да и не к чему ей это. У них все хорошо, и подружка даже шептала, что может на следующий год уйдет в декрет.

3. Развод

Учеба поглотила все свободное время Оксаны, она не хотела отвлекаться на мелочи и часами просиживала за мольбертом. Вокруг, словно мотыльки, что летят на огонь, появлялись мальчишки. Они тянулись к Оксане, но она, вспоминая Игоря, отталкивала их, боялась последствий и поэтому оставалась одна.

Одиночество опасно! Оно увлекает. Стоит тебе однажды увидеть, насколько это спокойно, ты больше не захочешь иметь дело смужчинами. И все же она познакомилась с Артуром, но старалась держать дистанцию. Несколько раз целовалась, что-то в груди стало оттаивать.

– А может, мне стоит все забыть? – спрашивала она себя. – Взять и сжечь прошлое как ненужную листву. Ведь всегда появляется новая поросль, вот может...

Она присматривалась к Артуру и все же продолжала сторониться его, а уже на третьем курсе появился Виктор. Юноша-философ, который, даже если его в автобусе кто-то обзывал, стоял и смотрел на обидчика как на козявку, отчего тот еще больше выходил из себя.

– Ну, ты чего такой, – хватая его за руку и вытаскивая из автобуса, говорила она. – Вот побьют, будешь знать.

– А что с ними спорить, они ведь все равно ничего не поймут.

– Ну и что, но и паяться не стоит, словно они дураки.

– А разве не так?

– Может и так. Но все равно не надо, прошу тебя.

Их дружба переросла в любовные отношения. За поцелуями последовало то, чего боялась Оксана. Она лежала на его диване и не чувствовала тела, словно оно не ее. Виктор был нежен, ласков как щенок. Но прошлое не хотело отпускать Оксану. Как только она раздевалась, сразу вспоминала Игоря и его звериный взгляд. Она обнимала Виктора, отвечала взаимностью, но так ни разу и не смогла испытать того воздушного и столь желанного оргазма, о котором она уже стала забывать.

На пятом курсе они расписались, Артур расстроился.

– Ну же, не вешай нос, у тебя ведь Юля, – говорила она.

– А у тебя?

– А у меня муж, – радостно отвечала Оксана.

Но штамп в паспорте ничего не изменил. Она получила официальный ранг жены, какое-то время еще надеялась, что сможет забеременеть, но что-то было не так. Пришлось лечиться. Виктор узнал, что Оксана в свое время сделала аборт, это его задело. Он хотел сделать как лучше, стал более активным в постели. Оксана, как ей казалось, чувствовала наплыв того самого экстаза, что вот-вот и сорвется в неуправляемый оргазм. Но все затухало, словно тот порыв ветра, что разрушил ее любовь с Игорем. Она плакала, а ведь когда была одна и ласкала себя, то без проблем доводила себя до состояния, когда погружалась в оргазм.

– Но почему, почему? – уйдя в ванную и принимая душ, спрашивала себя Оксана. – Почему не могу почувствовать с ним этого. Почему?

Виктор стал раздражительным. А после стал кричать и уходить из дома. И опять Оксана плакала, ища причины в себе.

– Значит, это была не любовь, а только привязанность.

Она согласилась на развод и осталась одна. Несколько раз к ней приходил Артур. Он думал, что если Оксана свободна, то согласится. Но она не могла разрушать его семью, ведь к тому моменту он женился на Юле. Да, честно признаться, он как мужчина ей не нравился. Был хорошим да и только.

А потом пошла черед экспериментов. Оксана запуталась, могла сразу с первой встречи пойти и лечь в постель. Она искала свой экстаз, но кроме простого секса ничего не получала. Любовь вспыхивала, но тут же гасла, словно ей не хватало сил, чтобы гореть.

– Не грузись по этим мужикам, они на то и годны, чтобы уболажатьтебя.

Утешала ее Вика, которая успела выйти замуж и тоже развестись. Но у той была цель найти состоятельного мужчину, ей была не нужна любовь, она давно в ней разочаровалась. Поэтому тусовалась на вечеринках, выезжала на все возможные корпоративы, крутилась среди иностранцев. Вика и не скрывала, что она охотница. Если мужчина идет на охоту, он одевается так, чтобы жертва его не заметила, Вика же наоборот, светилась, словно она луч от маяка.

– Допрыгаешься. Ну, выйдешь за богатого, это же равносильно, что он тебя купил. Будешь прыгать, а после выбросит.

– Я не дура, знаю, что хочу. Может, рожу, а тогда куда он денется. А может, пару лет по контракту, а может...

– Это неправильно, и ты это знаешь.

– Мир такой, а что поделаешь. Сама-то вот развелась. Слушай. Хочешь, познакомлю с Белоусовым, такой солидный дяденька из мэрии.

– Нет, я сама если что, разберусь. Спасибо конечно, но нет.

– Ладно, как знаешь, у меня еще есть на примете Жданов, он из бизнеса и уже в годах и...

– Прекрати, не нужны мне они, себе оставь.

– Куда мне их так много, мне бы одного.

– Вот и выбери одного и полюби.

– Скучно. Я что, девочка?

– А что, старуха уже?

– Я женщина в самом соку. Ладно, пойдём лучше в кино. Согласна?

– Да, пошли.

4. Любишь ловить на удочку?

После того как умерла бабушка Оксаны, ее мама решила продать дом в деревне и на вырученные деньги купить дочери квартиру. Так она надеялась, что ее личная жизнь быстрее пойдет на лад.

– Оксан, можно я к тебе приеду? – как-то ночью позвонила Светлана.

– Что-то случилось? – она только легла и уже стала засыпать.

– Да, наверное. Можно?

– Приезжай.

Положив телефон, Оксана села, посмотрела на часы, которые показывали час ночи. Пожала плечами и, набросив на плечи халат, пошла ставить чайник.

Света зашла, растерянно пожалала плечами, как бы извиняясь, и тут она не выдержала и заплакала.

– Ну, ты чего? Проходи.

Обняв подругу, она прижала ее к себе и, слушая всхлипы, стала думать, что произошло.

– Идем, я уже чай согрела. Хочешь перекусить?

– Кофе, – сквозь слезы сказала подруга.

Посидев минут пять, Света успокоилась. Оксана не спешила, знала по себе, что в этих случаях надо просто подождать.

– Он... Я... Ну, понимаешь... Он какой-то... Он меня ударил.

– Женька?

– Да! Вот, смотри.

Света задрала вверх кофту и показала спину, где сияли две красные отметины.

– Он какой-то бешеный. Пришел с работы и начал орать, а потом ударил, словно я в чем-то виновата.

– А дети?

– Они у мамы на выходных. Я боюсь его. Можно я до утра у тебя останусь?

– Да.

Это был первый раз, когда Света пришла жаловаться на мужа. В ее глазах не было страха, но было детское непонимание. Оксана завидовала ей, что у нее семья и уже двое детей, и вот теперь Света всхлипывала, вытирала нос и говорила, как он кричал на нее.

– Я поживу у тебя пару дней, пока он не успокоится. Хорошо?

Оксана была не против, и Света осталась. На следующий день вечером стала прорисовываться картина. Оксана узнала, что Женя, ее муж, в последнее время стал выпивать на работе. Возможно, так он хотел утвердиться среди своего коллектива, а может, была другая причина. Она знала его как отзывчивого и доброго человека, но то, что рассказывала Светлана, больше было похоже на наговор.

– Он хочет, чтобы я была готовасловно пожарный.

– К чему?

У Оксаны было две комнаты, но одна так и стояла пустой, не хватало денег, чтобы привести в порядок. Вот они вместе и жались на раскрытом диване.

– К сексу.

– То есть?

– Он думает, что я всегда хочу. Вернее, все наоборот. Он всегда хочет и требует, чтобы я всегда это делала.

– Зачем? – не поняла Оксана.

– Как зачем? Он же мужчина.

– И что из того? Это ведь не повод ложиться под него каждый раз, как он шелкнет пальцем.

– Я так не могу. Он мой муж, отец моих детей. Ведь у меня есть обязанности...

– Что за глупости. У тебя обязанности вырастить детей и любить мужа, но не это же.

– Нет, не могу. И вообще, он хороший, вот только вспыльчивый сейчас.

– Ага, и бьет свою жену. Только не говори, мол, бьет, значит любит.

– Разве не так? Мне вот нравится, когда он как хозяин может стукнуть кулаком или гаркнуть. Ну, это понимаешь, сразу чувствуется сила, власть.

– Ты что, его подчиненная в полиции? Или он так на тебе репетирует? Слушай, брось, не кисни, поговори с ним, может, это он так случайно, сгоряча приложил руку, может, больше не будет. А?

– Не знаю. Завтра схожу, поговорю, наверное, уже остыл.

На следующий день Света ушла, а уже через пару дней пригласила Оксану к себе домой. Женька порхал на кухне, готовил мясо, вел себя так, словно они только что расписались. Оксана смотрела и не понимала, кто кому соврал.

– Будешь красного? – спросил он и откупорил бутылку вина.

– Спасибо, но только немного.

У Оксаны был плачевный случай из юности, тогда она только закончила школу. Пришла к другу домой, вместе шесть лет проучились. Оксана ощущала себя взрослой, вот и решила выпить предложенный бокальчик домашнего вина. А оно оказалось сладким, как компот. За одним бокалом последовал второй, третий, а потом все. Стены закачались, и земля стала ходить ходуном, словно ты на качелях.

– Отведи меня домой, – понимая, что происходит что-то неладное, попросила она.

Как она дошла, даже не помнила, только очнулась уже дома. А потом была длинная лекция, которую прочитала ей мама.

– А я много и не наливаю, – радостно сказал Женя и налил полбокала. – А знаешь что, Оксан, мы на выходные поедem на Андреевское. Поехали, у моего отца там дача и баня. А какой там воздух и рыба. Любишь ловить на удочку?

– Люблю, – сказала Оксана, тем самым дав свое согласие.

5. Точно жена

Еще с детства Оксана любила ловить рыбу, отец приучил ее этому увлекательному занятию. Накопают червей, пойдут под мост или к ивам, что росли у старицы. Сядут на корягу поваленного дерева, тут меньше всего камышей, закинут поплавок и ждут. Очень часто прилетали стрекозы и почему-то специально садились на поплавок. Наверное, им нравилось покачиваться на мелких волнах. И пока гольянчик где-то там плавает, ты сидишь и думаешь о своем.

– У меня есть лодка, поплыли, – предложил он Свете с Оксаной.

– И что я буду делать? – возмутилась Света. – Кормить комаров? Ну, нет уж, вы плывите, а я пока тут не бережку посижу, костер покараулю.

– Ладно, а ты? – обратился Женя к Оксане.

– Поплыли, только сейчас рубашку возьму, плечи сгорят. Не забудь червей или что там у тебя.

– Опарыши.

– Бе...

– На них лучше клюет, сам разводил на балконе.

– Там воняет, – вставила свое слово Света. – Он взял мясо и в банку, сейчас там черви

– Опарыши, – поправил ее Женя.

– Все равно черви.

– Все, поплыли.

Женя вытолкнул надутую лодку на воду, установил весла, положил рядом удочки, сумку, подождал, пока Оксана сядет, и стал грести против ветра.

– Мы встанем вон там, в прошлый раз ловил, поймал пару больших карасей.

– А мне больше нравятся маленькие, ну, не совсем, а чтобы с ладонь. А куда такой большой?

– Согласен, большие тиной пахнут, да и интереса нет, поймаешь парочку и все. Но тут как раз молодняк и обитает, большие на глубине, дальше.

Женя вырулил лодку, достал привязанный к веревке кирпич и осторожно опустил вводу.

– Это вместо якоря, иначе ветром отнесет прямо на камыши. Вот это твоя, она поменьше и легче. Нацепить червя?

– Да, если не трудно, они живые и ползают.

– Меня дед научил разводить опарышей, ничего сложного, только не давать перегреваться, а так небольшого куска мяса хватит на месяц. Ну, все, держи.

Оксана взяла удочку, проверила поплавок, длину грузила и, подняв удило, опустила поплавок в воду.

– Хм...

– Что?

– Кто тебя так учил ловить?

– Папа, у нас речка небольшая, и рыба пугливая, потом приходилось ждать, когда она вернется обратно.

– Здесь можно не переживать. Караси привычные, вон там купаются, а там моторки, так что, – тут он взял свою удочку и со свистом запустил поплавок подальше. Шлеп, пошли круги, и через минуту все затихло.

– Что у тебя со Светой случилось?

– Перегнул чуток.

– Несерьезно, Женя, она же тебя любит, что будешь делать, если уйдет?

– Не уйдет.

– Так думаешь?

– Любит. Да и куда? К мамке в двухкомнатную? Погорячился, сам жалею, попросил прощения, вроде не дуется. Это она у тебя два дня отсиживалась?

– Да, пришла и плачет.

Они просидели почти час, стало припекать, обычно к этому моменту рыба уходила туда, где поглубже. Женя сложил удочку, Оксана посмотрела на свой улов, четыре карася против семи, что поймал Женя.

– Уха, – сказал муж жене, когда они вернулись обратно.

– Вы что там так долго делали? Я уже стали скучать. Любовнички.

Женя с Оксаной переглянулись и, пожав плечами, пошли обратно в поселок.

– А лодка?

– Ладно, вы идите, а я ее принесу.

– Слушай, Свет, – когда они ушли достаточно далеко, чтобы Женя не их слышал. – Он вроде ничего.

– Да, сейчас нормальный, но ты бы видела его в понедельник, вот ужас был, я испугалась, думала, он головой стукнулся. Ладно, сегодня у нас баня и мы спим с тобой наверху.

– На чердаке?

– Это не чердак, а второй этаж. Там сейчас прилично. В прошлом году, когда окно было разбито, там белка свила себе гнездо. Мы даже не лазили туда, она прыгала на нас.

– Бельчата?

– Да, но я их не видела, наверное, летом уже убежали в лес. А в этом году отец Жени решил навести порядок. Окна поменял, даже маленькую буржуйку поставил, так что если будет прохладно, затопим. И что мне теперь с этой рыбой делать?

– Помогу тебе ее почистить, а так сварим уху. Или у тебя другие планы?

– Я бы отдала ее Ваське, но он же столько не съест.

– Нет, не съест, я же сказала, что помогу.

Вечером, как и обещала Света, была баня, а после они сидели под небом и смотрели на звезды. Женя чуть выпил, развеселился, и его руки сразу стали тянуться к Оксане. Стоило его жене отлучиться, как он тут как тут. Это целая наука, держать дистанцию с мужчинами. У Оксаны дома была ваза из тонкого голубого стекла. Пузатая, высокая, красивая, но проблема состояла в том, что у нее очень узенькое доньшко. И если чуть неправильно поставить, ваза сразу падала. Однажды Оксана поставила в нее цветок, он был небольшой, но этого хватило, чтобы центр тяжести был нарушен, и ваза разбилась. Отношения с мужчинами сравнимы с той вазой. Немного перегнешь палку – и обида. А если нет, то попадешь в силки, из которых будет трудно выбраться.

– Женя, у тебя жена, – напомнила ему Оксана и осторожно убрала его руку со своей ноги.

– А, ну да, точно, жена, – весело сказал он и откинулся на лежак.

6. Черная вдова

Вернувшись в город, в свою квартиру, Оксана прошлась по комнатам. Было грустно, у нее даже кошки не было. Иногда, когда уезжала соседка, она оставляла своего пуделя, и тогда ее жизнь менялась. Оксана нехотя просыпалась рано утром, одевалась и шла выгуливать собаку. А вечером Лоран, так звали пуделя, увидев ее, начинал прыгать на задних лапах, словно она его хозяйка.

– Да-да, сейчас пойдем, но сперва покушай, а я полежу.

Оксана открыла консервы, их ей оставила Марина, хозяйка собаки, и строго настрого сказала, сколько и чего накладывать.

– Ну, надо же, мне бы так питаться, как тебе, – поглаживая собаку, сказала она, взяла стакан с водой и пошла в зал.

Незаметно для себя Оксана задремала. Проснулась только тогда, когда на улице уже стемнело.

– Вот блин, сколько времени? О... – протянула она, увидев, что часы показывали целых одиннадцать часов. – Можно и не вставать.

Но пудель, увидев, что она проснулась, соскочил и стал прыгать, подбегая к двери.

– Ой, только не это, – сказала Оксана, поняв, что ей надо еще выгулять собаку. – Сейчас-сейчас.

Она взяла поводок, поправила платье, в котором все это время так и пролежала на диване. Пес уже извертелся на месте.

– Подожди, – Оксана еще раз посмотрела на себя. – Вроде не помято. Нормально? – обратилась она к Лоран, но тот уже скулил и скреб дверь. – Стой, чертенок, дай зацеплю.

Стоило им выйти, как собака сразу побежала к первым кустам и, задрав лапу и поскуливая, пустила струйку. Потихоньку сон, что окутал ее, стал испаряться. Она вздрогнула от вечерней прохлады, посмотрела, куда убежала собака, и пошла ее искать.

– Он там, – сказал сосед.

Теперь, выгуливая Лорана, она познакомилась с соседями, у которых тоже были питомцы. У кого-то маленькие, а у кого-то словно телята, такие огромные. «И что они с ними делают?» – думала Оксана, углубляясь по дорожке в парк. Лоран радостно рыл землю, словно охотничий пес, что решил поохотиться на грызунов.

– Ну, все, пойдем, – Оксана защелкнула замочек на ошейнике собаки и потянула ее за собой.

Но пудель старался не пропустить ни одного столбика, деревца или кустика.

– Ну вот, что за радость нюхать чужие пометки? Идем, еще лапы надо помыть, смотри, какие они у тебя стали грязные.

Оксана потянула поводок, и Лоран недовольно побежал за ней. Вошли в подъезд, она подошла к лифту, нажала, но кнопка тут же погасла.

– Вот невезуха.

Дверка лифта часто заедала, могла открыться и больше не закрыться, приходилось подниматься на седьмой этаж пешком.

– Ладно, пошли.

Оксана отстегнула поводок собаки, и та, предвкушая вечернюю порцию еды, побежала вверх. Шла не спеша, да и куда спешить, все равно умыться и спать, вот только она не знала, уснет теперь или нет.

Мелькнула тень. Оксана даже не успела ни о чем подумать, как чья-то рука с силой швырнула ее тело вперед. Удар лбом о стену, в голове сразу потемнело, запрыгали звездочки, словно в мультике про Тома и Джерри. Опять толчок. Оксана ничего не поняла, даже не успела испу-

гаться, только боль от удара и этот звон в ушах вперемешку с шипением мужского голоса, который говорил ей молчать.

Спазмы в животе и тошнота заставили ее закрыть глаза, и тут она почувствовала руки. Да, кто-то прижал ее к подоконнику, что между площадок, и теперь, задрав платье вверх, стаскивал с нее трусы.

– Аааа!!! – крикнула она и сразу пожалела, получив удар по спине.

– Заткнись, сука. Размажу по стене или выброшу в окно.

Оксана приподняла голову и увидела, что окно было открыто. И правда может взять и выбросить. Его рука заерзала. К Оксане мгновенно вернулось воспоминание с Игорем, когда он рвал на ней колготки, а после тыкал своей кишкой ей между ног. Омерзение, злость, вот что она успела испытать. Резко повернула голову и уже хотела укусить его руку, которой он упирался в раму, но получила новый удар, от которого стало тяжело дышать.

Еще не придя в себя, она почувствовала, что его червяк уже в ней. Оксана завизжала, задергалась, и новый удар по спине успокоил ее. «Сволочь, козел! Что б у тебя все отсохло. Скотина! Гнида!» – только и могла делать Оксана, как ругать своего насильника. А тот, довольный собой, словно кобель начал трястись.

«Ой...», – не выдержав, сказала про себя Оксана. Что-то далекое, уже забытое из юности, промелькнуло в ее сознании, и сразу в паху все вспыхнуло.

– Ой, – уже не сдерживая себя, сказала она вслух и с каким-то мазохистским наслаждением ощутила, как зашлепали его яички.

– Молчи, молчи, сучка, осталось немного, – прохрипел он.

– Ммм...

Оксана не смогла удержать своего удовольствия. Он насиловал ее, а она, словно и правда сучка под кобелем, поскуливала от удовольствия, поднимая выше свой зад.

– Нравится, нравится, нравится? – запричитал он и еще быстрее затрясся.

Ей не нравилось, что он делает, но то, что у нее творилось между ног, то, что кипело и захлестывало своим воспоминанием, вот от чего она тащилась.

– Да, да...

Оксана уже не контролировала себя, она понимала: еще секунда-другая и она сорвется. Тот далекий, забытый оргазм, от которого Оксана проваливалась в бездну женского наслаждения, все ближе подкрадывался к ней.

– Нет, нет, нет, – запричитала она, боясь, что не сможет себя контролировать и тогда...

– Молчи, сука, я уже почти...

И тут Оксана зарычала, задергалась. Спазмы, что подкрадывались к ней, вцепились в ее плоть мертвой хваткой и сжали тело пополам. Она завyla и, замотав головой, захрипела, словно обезумевший зверь.

Откуда-то появились силы, она резко развернулась, и его червяк вывалился из уютной норки. Оксана толкнула мужчину, и тот, словно большая плюшевая игрушка, что продается в цветочных магазинах, полетел вниз по ступенькам.

– Блядь, – донесся его приглушенный голос.

Но он не стал возвращаться к своей жертве, испугался ее взгляда, и то, как она лихо его отбросила от себя. Теперь он мог стать жертвой, и она, как паук черная вдова, могла сожрать его потроха на десерт. Поскуливая от ушибов, мужик мчался вниз.

7. Идем на кухню

– Что... Что это было?

Облокотившись на подоконник, Оксана постаралась прийти в себя. Боль в животе все еще не отпускала. Она прижала руки и, тяжело дыша, стала ждать.

Откуда-то появился Лоран и, повиливая хвостом, стал прыгать вокруг нее.

– Идем-идем, – с трудом сказала Оксана и, пошатываясь, пошла вверх.

Она не ожидала, что в ее подъезде буквально рядом с ее квартирой на нее нападет насильник. Но ее удивило даже не это, а то, что она почувствовала тот самый оргазм, к которому так долго шла. Ее брак распался из-за того, что она стала холодной в постели. Она меняла мужчин только ради этих секунд, которые до сих пор ее не отпускали.

– Как так? – спросила она себя. – Насильник и оргазм.

Да, именно так и произошло, он ее изнасиловал, а она, проклиная его, испытала такое глубокое удовлетворение.

– Ну, нафиг, – выругалась Оксана и, наложив собаке поесть, пошла в ванную. – Кто ты, сволочь? Узнаю, прикончу.

Ругалась она, намазывая тело уже не первый раз. Глубоко за полночь она легла в постель, но так и не смогла уснуть. Опять возвращалась на ту самую площадку. Лоб болел, осталась ссадина, пришлось порыться в аптечке и наклеить лейкопластырь.

Оксана лежала в постели и прокручивала эпизод за эпизодом. Вот он схватил, нет, этого она не помнила, был удар, а после его слова про то, что выбросит в окно, а после... Она задумалась и почувствовала его руки на себе, которые стягивали трусы. Оксана вздрогнула, словно он и правда был рядом.

– Будь ты проклят! Чтобы впредь твой хрен не вставал ни на одну женщину. Проклинаю! Проклинаю! Проклинаю! – несколько раз произнесла она и, натянув одеяло повыше, закрыла глаза.

Но сон так и не пришел, лишь отголоски оргазма и этот вопрос: «Почему?».

– Да, почему?

Понимая, что она не уснет, Оксана села и включила торшер.

– Почему так? – она так мечтала об этом оргазме, когда была замужем, и ни разу его не испытала. – Почему? – с обидой спросила она и опять как бы вернулась на площадку.

Руки сами скользнули между ног, там было мокро, словно она описалась. Но какое томление в груди, где-то в глубине ее чрева все еще тлел тот уголек, который ее обжег. Оксана вздрогнула, глаза сразу закрылись и, быстро перебирая пальцами, она упала на спину. И уже через мгновение ее тело корчилось в агонии оргазма, того самого, ради которого она готова на все.

В этот раз она успокоилась и сразу уснула. Утром вспомнила, что произошло. Стало мерзко за себя, что кто-то ее поимел, а она даже не знает кто. Сидя на кухне и дожидаясь, пока вскипит чайник, Оксана вспоминала его голос. Он был хриплым. Так может, наверное, каждый. И тут из памяти всплыл эпизод, когда она повернула голову, то увидела его руку.

– Да, рука, но...

Что-то знакомое, или ей так казалось, или просто искала зацепку, чтобы хоть как-то успокоить себя.

Оксана ушла на работу, зашла в охотничий магазин и купила пару газовых баллончиков. Один положила в сумочку, другой в ветровку, третий в плащ. Стало легче на душе, но она все равно вспоминала ту руку, что-то с ней было не так. Но что, не могла сказать.

– Будь ты проклят!

Она не очень верила в проклятье, но сейчас ей хотелось, чтобы оно сбылось. Чтобы ее насильник мучился от того, что сделал, чтобы впредь никогда не смог поднять свой орган ни на одну женщину. Выговорившись, на душе полегчало, словно и правда исполнила свой ритуал и теперь свободна.

Лифт отремонтировали, но она не зашла в него, а пошла пешком в надежде найти зацепку, чтобы узнать, кем он был. Чистота, словно только что прошлась уборщица и навела порядок. Окно было все так же открыто, кто-то, наверное, курит, вот и открывает его.

– Привет, а я к тебе, – увидев Оксану, сказала Яна, что жила в соседнем подъезде.

Они дружили с того самого момента, как Оксана купила в этом доме квартиру. Яна не так давно родила второго ребенка и теперь, когда первый ковырялся в песке, она сидела рядом и катала коляску.

– А где твои? – удивилась Оксана, увидев, что она одна.

– Дома, муж с ними, взял отгул.

– А, ну пойдем, у меня есть вафельный торт. Будешь?

– Мне надо худеть, а ты торт. Но не откажусь. Только чуточку.

– Ага, как в прошлый раз половину съела.

– Seriously? Но ведь было вкусно, ты сама их, что ли, стряпаешь.

– Ну, вот еще, покупаю в пекарни. Ладно, заходи, – и Оксана открыла дверь. – А твой что, решил прогулять работу? Поругались или как?

– Нет, с утра с животом мается, дала угольных таблеток, наглотался, вроде полегчало.

– Идем на кухню, тут у меня в зале бедлам, даже не заходи, опасно.

Яна засмеялась и прошмыгнула мимо Оксаны на кухню.

8. И что теперь?

Больше ее насильник не появлялся. «Как часто они встречаются? – думала Оксана. – И почему именно я попалась ему? Он что, ждал меня или случайно напоролся? Ведь было уже поздно, под двенадцать. Какова вероятность, что кто-то мог в это время, вообще пройти мимо, не говоря уже про то, чтобы появилась именно женщина? А может, это он сломал лифт, чтобы я поднялась? Или он видел, как я гуляла с собакой?».

– Стоп! – сказала вслух Оксана. – Борис.

Да, именно его она увидела, когда отпустила пуделя с поводка, и тот умчался в кусты.

– Но?

Она несколько раз была у Яны дома. Аккуратная квартира, дети чистые, и муж нормальный, работает менеджером в логистике какой-то торговой компании.

– Борис? Нет... – тут же ответила Оксана и засмеялась. – Но разве у насильника написано на лице, что он маньяк или извращенец? Конечно же нет, они как обычные люди, – рассуждала Оксана, стоя на балконе и посматривая на парк, что был в стороне. – Прилично выглядят, не привлекают внимание, идеальные семьянины, как Борис. Нет, глупости, глупости. Стоп!

Оксана вспомнила, что на руке, которую чуть не укусила, была родинка или бородавка, тут она терялась в догадках. Долго не думая, она сходила в магазин, купила легкий тортик, чтобы фигура Яны сильно не пострадала, и пошла в гости.

– Вот это да, – обрадовалась Яна и побежала на кухню, чтобы включить чайник.

– Я сегодня смотрела передачу про гадание на руке. Хочешь, погадаю? – крикнула из комнаты Оксана.

– Тише, Антошка еще спит. Да, хочу, сейчас я все принесу.

– А где твой больной-то?

– Пошел со старшим в парк, скоро придут. Выгнала, чтобы не мешали младшему.

– Живот прошел?

– Вроде да. Наелся, наверное, чего-то в своей столовой, у них там привозная пища. А вон и они идут, – сказала Яна, выглядывая в окно.

Оксана в свое время знала все линии на руке и даже неплохо гадала по ним. Девчонки в классе хотели знать про женихов, а парни про свое будущее, кто кем будет. Оксана погадала Яне, потом маленькому Стасику, но тот больше смеялся, мал еще. Пришлось сказать, что ему на новый год будет удивительный подарок, это его заинтересовало, и он протянул вторую руку.

– А теперь ты, иди сюда, – сказала Оксана Борису.

– А, все это глупости, не верю.

– Иди, кому говорят, – сказала Яна и под села рядышком, чтобы посмотреть на ладони мужа.

Первым делом Оксана покрутила одну руку, потом другую, сердце забарабанило. Она вспомнила, как рука насильника уперлась в косяк окна, и на большом пальце было пятно. «Вот оно», – с ужасом посмотрев на правую руку, она развернула его ладонь кверху.

В этот раз Оксана молчала, все думала о том, что не может такого быть. Из соседней комнаты донесся плач, и Яна пошла к Антошке.

– У тебя что-то случилось? – сделав вид, что внимательно рассматривает линии, спросила Оксана. – Ты сделал что-то нехорошее? – в этот момент его пальцы дрогнули. – У тебя линия любви рвется, вот, видишь? А рядом ответвление, это линия секса, она порвана.

– А вот и наш малыш. Посмотри, кто к нам пришел, – в дверях появилась довольная Яна с малышом на руках.

Оксана отложила в сторону холодную руку, ей она уже была не важна, только про себя еще раз произнесла: «Будь ты проклят! Проклят! Проклят! Чтобы ты больше никогда не смог этого делать! Я проклинаяю тебя. Проклинаю!».

Ученые давно уже доказали, как влияют слова на воду, на энергетику. Было проведено множество экспериментов по выращиванию кристаллов снега. При словах «любовь», «нежность», «мама», «я тебя люблю», снежинки образовывали идеально ровные, симметричные кристаллы. А при словах «гад», «война», «смерть», «проклятый», снежинки становились уродливыми, превращались в комок, у которых лучи торчали в разные стороны. Слова – это код сознания, и неважно, на каком языке они будут сказаны. Все, чего боится человек, что ему ненавистно, он формирует из одних и тех же символов. Это как ноты в музыке. Неправильно подобранные ноты начинают фальшивить, и тогда голова болит.

«Я проклинаяю тебя!», – улыбнувшись Борису, еще раз сказала Оксана и осторожно взяла мальчика из рук Яны.

– Он такой маленький, такой лапочка. Кажется, он хочет кушать, – сказала Оксана и, чмокнув его в носик, передала маме.

Она вернулась домой.

– И что теперь? – спросила она себя. Оксана не верила в проклятия, но на душе стало спокойней, словно он и правда больше не сможет заняться с женщиной сексом. – А что Яна? А что? Она взрослая женщина, получила что хотела, родила и счастлива. Захочет секса, найдет как его получить. И вообще, это глупости. О чем я думаю? Надо готовиться к завтрашнему дню. Верно, Лоран, пойдем лучше я тебя прогуляю. Пудель сразу поднялся и, виляя хвостом, помчался к двери.

9. Я тебя не учу

– Оксана Геннадьевна, – как только она зашла в училище, к ней подошел директор. – Подмените Светлану Феоктистовну, у нее сегодня стажеры, рисунок с натуры человека.

– Хорошо. В какой аудитории?

– 27. В 11 начало.

Оксана сама любила рисовать с человека, будь то женщина или мужчина. С детьми тяжело, они не могут усидеть и пяти минут. Поэтому хорошего натурщика найти тяжело.

– Илья Геннадьевич, сегодня вы у нас.

– Да, похоже, никого поблизости не оказалось, вот и попросили с часик посидеть.

Его она рисовала, когда ходила в училище, а после еще один раз в институте. Но с последней их встречи он сильно изменился, постарел, плечи стали выпирать, а грудь проваливаться. Худое лицо и большая, словно лопата, борода. Необычный типаж для рисунков.

– Так, все готовы, приступаем, – сказала Оксана и посмотрела на часы.

Быть натурщиком тяжело, она сама как-то подрабатывала, ходила к художнику в мастерскую. После пяти минут тело начинает остывать, через десять ты чувствуешь, что немеет спина, а уже через полчаса превращаешься в статую.

– Посмотри внимательней на бедро, оно у тебя нарушено, – Оксана сделала замечание девушке, которая уже набросала контур.

– Повнимательней, где кончается локоть, а у тебя и плечо. Смотри, как ты его развернул.

Время тянулось медленно. Илья Геннадьевич застыл, его взгляд был направлен в одну точку. Складывалось впечатление, что перед тобой не живой человек, а восковая фигура старика.

– Через десять минут заканчиваем, – громко, чтобы все слышали, сказала Оксана и стала обходить аудиторию, по пути просматривая рисунки.

Ей нравилось работать с углем. Вроде такой простой материал, но сколько в нем жизни, оттенков. Стрелка дошла до 12.

– Все, на сегодня заканчиваем. Спасибо, Илья Геннадьевич, можно вставать.

Он нехотя повернул голову, словно и правда застыл, улыбнулся, а после лихо встал и бодрым шагом зашагал к ширме, за которой он разделся.

Не все могут рисовать человека, это самый сложный вид рисунка. Тут надо знать не только анатомию, но и уметь почувствовать характер того, с кого делаешь набросок. Если не чувствуешь, получится кукла, обычно так рисуют в парках. Оксана долго билась над своим мастерством, получалась черно-белая фотография. А после она стала смотреть в глаза и, почувствовав, о чем думает человек, стало легче рисовать.

К вечеру к ней на заботу зашла Юля. Она рассказала, что расстается с Артуром, и тот, похоже, даже рад.

– У него есть машина? – спросила Оксана подружку.

– Да, а что?

– Мне надо привезти мольберт, видишь, какой он огромный. Попроси.

– Хорошо, – Юля набрала мужа и передала ему просьбу Оксаны. – Он сейчас подъедет. Давай помогу.

– Нет, пусть лучше мужчина отнесет.

Юля попробовала поднять треногу, но тут же отпустила ее.

– Да, ну и тяжесть.

Через час подъехал Артур, он был небритый, какой-то неухоженный. Ввалил все на плечи и спокойно, словно это кулек яблок, спустил все вниз. С трудом все вошло на заднее сиденье.

- Ладно, вы езжайте, а я...
- Постой, а как же ты?
- Я пойду домой, – сказала Юля и, помахав Оксане ручкой, развернулась и пошла в сторону остановки.
- Почему ругаетесь? – когда тронулась машина, спросила Оксана у Артура.
- Наябедничала?
- Нет, по-дружески пожаловалась. Ну и что случилось?
- Да ничего. Она ведь тебе не сказала, что опять встречалась со своим бывшим.
- С Мишкой?
- Ну да. То придет поздно, то пахнет табаком, то... В общем, я не стал ждать и решил уйти.
- Глупости, она же тебя любит.
- Любила, а не любит. Это разные вещи. Она вроде и не против, только для видимости выделывается. Вот и пусть с ним живет. Я нет, не буду, не олень, чтобы рогами цеплять люстру.
- Порой вы такие глупые, мужики, и чего вам не хватает?
- Сама ведь тоже развелась. Поэтому зачем учишь жизни?
- Я тебя не учу. А с Виктором я сама виновата, так получилось.
- Вот и у меня, похоже, также получается. Все, приехали, сейчас помогу поднять. Ты будешь дома рисовать или это так, для интерьера?
- Рисовать. У меня вторая комната свободная, и света много, заказ сделали. Надо оформить один коттедж, заказали пять картин с видами старого города.
- Это хорошо, будут свои клиенты, может, потом бросишь училище и станешь вольным художником.
- Может, думала над этим, но все время дома сидеть тоже скучно, а в училище все же люди. Давай я открою дверь. Не тяжело?
- Нормально, придержи только вот эту коробку, а в ней что?
- Это для красок, кисточек и еще всякой мелочи. Заноси сразу в соседнюю комнату. Да не снимай обувь, так проходи.

10. Будь ты проклят!

– Спасибо, оставь прямо там, я после все приберу и установлю. Хочешь чай? Или могу пожарить картошку, будешь?

– Не откажусь.

– Тойда мой руки и проходи на кухню, я быстро, тогда вместе и поужинаем. У меня еще есть соленая капуста, сыр и... – Оксана посмотрела на пустой холодильник, вот что значит жить одной. – И больше ничего.

– Спасибо, больше и не надо. Может, почистить картошку?

– Давай, вот ножик, вот картошка. А я переоденусь.

Через полчаса уже было все готово. Зазвонил телефон.

– Да, он у меня, я его картошкой кормлю. Что ему передать? Ладно, – Оксана отключила телефон. – Сказала, что пошла к какой-то Нюре или...

– А, есть такая, за рекой живет. А ты все так же одна живешь?

– Да, выбирать не приходится. Хочешь составить компанию? – пошутила Оксана.

– Ну...

– Спасибо, но якак-то уже привыкла одна.

На сковородке зашипела картошка, сразу потянуло приятным запахом. Минут через пять Оксана положила лавровый листок и прикрыла крышкой.

– Сейчас будет готово. Не спешишь?

– Нет, до утра свободен.

– Потерпи, еще минутка и все.

После обильного ужина захотелось вытянуть ноги, Артур никуда не спешил, а Оксана не пыталась его выпроводить. Почти час просидели в зале, Оксана смотрела на мужчину. А ведь в институте она с ним встречалась и даже целовалась. Артур подсел к ней поближе и, взяв ее руку, стал целовать. Было приятно. Но в правилах Оксаны было прописано не флиртовать с женатыми мужчинами. Но теперь это стало трудней, и ее прожектор, который охватывал все пространство, с каждым годом все сужался, и скоро он превратится в тонкий луч лазера.

– Артур, ты милый, и это было уже давно. Остановись, – но он не остановился, а потянулся дальше к ее плечу. – Прекрати, ты ведь женатый, и Юля моя подруга.

– Мы разводимся, – оторвав губы от поцелуя, ответил он.

– Это не повод, чтобы предаватьее, так нельзя.

– А она.

И тут Артур повалил Оксану на спину и, прижав словно игрушку, стал раздевать. Она дернулась, но сильные руки вцепились ей в платье и, уже отрывая пуговицы, стали снимать его с нее. Оксана взвизгнула. Нет, не от страха, а от отвращения, что ее вот так, словно проститутку, стали тискать. Она задергалась, перевернулась на живот и постаралась встать, но тут же упала под весом его тела.

– Прекрати! Прекрати! – закричала она, а он уже тянул платье ей через голову.

Лифчик соскользнул и грудь выпала, стало стыдно, что вот так, а после затрещала ткань ее трусов. И только теперь она осознала, что он хочет ее изнасиловать. Точно так же как Игорь, а после Борис. Она завизжала, запиналась и, проклиная, еще раз попробовала сбросить ненавистного человека.

Оксана никогда не умела драться, даже с девчонками в школе проигрывала эти бои. Артур закрутил ей руку за спину, стало больно, она замерла и, поняв это, он быстро раздвинул ее ноги. Ткнул пальцем, словно проверяя, все ли на месте, через секунду вошел в нее.

За болью пришло отвращение и какая-то безысходность. Она не могла ничего сделать, стоило ей дернуться, как Артур сильней заводил руку за спину, от чего становилось трудно дышать.

– Да будь ты проклят! – вспомнив, как она проклинала Бориса, Оксана стала громко перечислять, что она ему желает на будущее. – Пусть отсохнет твой хрен, пусть болит и ноет, словно твой гнилой зуб. Проклинаю тебя и твоё семя, от которого ты сам заразишься.

Он затрясся, и Оксана замолчала. Ещё будет время все припомнить, и тогда она отыграется. Все вспомнит, все. В паху стало горячо, а после как там, в подъезде, тот уголек, что всегда тлел у нее в утробе, вдруг вспыхнул и обжог. Оксана завывала от боли, что шла изнутри. Она прогнулась, затряслась, а он все долбил и долбил ее. Лучше бы он этого не делал. Артур сам поджег шнур от бомбы и сам запихал свой член в эту адскую машину. Оксана задергалась, завизжала, а после, рыча, затряслась. Оргазм обрушился внезапно, словно это был ураган, он сносил все на своем пути. Она не ощутила боли, вырвала руку, вцепилась ему в лицо. Теперь уже он визжал, лучше бы он молчал. Оксана отшвырнула его в сторону, подбежала к трюмо, схватила баллон с лаком для волос, которым изредка пользовалась. И пока поднимался Артур, она зажгла зажигалку, которую использовала для ароматических свечей. И направив баллон с лаком прямо на мужчину, поднесла зажигалку.

Адское пламя, словно огнемёт, устремилось в его сторону. С грохотом падая, он вылетел в коридор, но Оксана не отставала.

– Проклинаю тебя! Проклинаю!

Кричала она, направляя пламя ему в спину. Вспыхнула куртка, которую он каким-то чудом уже надел. Пальцам стало горячо, и Оксана отпустила его. Пламя, последний раз плюнув, погасло.

– Вон! Вон! – орала полуобнаженная женщина.

А он, испугавшись этой бестии, на ходу натягивал штаны.

– Убирайся, а то подожду! – и опять нажала на распылитель лака, который большой струей охватил Артура. – Подожду!

Он не стал ждать, когда она поднесет зажигалку, которая уже горела. Открыл дверь и вылетел на площадку. Дверь захлопнулась. Плача, Оксана упала прямо в коридоре на пол и, обнимая колени, сжалась, словно это ей поможет.

– Будь ты проклят! Проклят! Проклят!

11. Сейчас все лечится

И опять вопрос почему? Почему она испытала такой долгожданный оргазм именно сейчас, когда ее насильовали?

– Что со мной не так?

Все еще лежа на полу в коридоре, думала она. Стало тяжело дышать, в воздухе висел запах гари и паленых волос. Оксана улыбнулась.

– Все же я смогла его поджарить. Сволочь. Проклинаю тебя! И нет тебе прощения. Пусть отсохнет и более никогда не встает. Он тебе не нужен.

На душе стало весело. Оксана встала, сняла порванные трусы и, спрятав выпавшую грудь обратно в лифчик, пошла открывать окна, чтобы проветрить помещение.

– А мне понравилось, – вспомнив, что взамен она все же получила свое. Оргазм был тяжелым и глубоким. – И все же почему?

Вот уже второй раз она испытала оргазм, когда ей делали больно.

– Может, я в душе мазохиста? Да ну, что за глупость, – сама же себе ответила Оксана. – Тогда почему? Может, от того, что он так нагло вел себя, но мне ведь это не нравится. – Она всегда предпочитала ласку, как в юности, там было все по-иному, словно ты летаешь. А тут похоже на отбойный молоток. – Тогда почему?

Оксана прибралась в зале, помыла посуду. Уже когда стемнело, легла обратно на диван. И снова воспоминание, как он полез, как перевернул, как заломил руки и стал рвать одежду.

– Почему это происходит со мной, что я делаю не так? Почему мужчины считают, что со мной можно так обращаться. Я ведь не давала повода. А может, я слаба? Может, мне нужен защитник?

Оксана решила вычеркнуть из памяти Артура, теперь он не ее друг. Оставленные в момент его бегства ботинки, рубашку и носки она просто выбросила в помойку.

Прошел целый месяц. Оксана целыми днями проводила время за работой. То в училище, то сидела дома и рисовала заказ, который обещала закончить к сентябрю. За всей этой неспешной жизнью она забыла про мужчин. Правда, изредка к ней приходил Алексей, с ним она встречалась уже второй год. Тоже художник. Правда, он рисовал на планшете в компьютере и все какие-то ужастики, но это тоже были заказы для игр.

«Почему?» – прижимаясь к нему и целуя его грудь, она думала о том, что не получила чего хотела, даже маленькой части не испытала того, что с ней было на диване. «Почему? Почему?». Он хороший мужчина, неженатый, мало говорит, наверное, поэтому и работает с компьютером дома, а не в офисе.

– Тебе понравилось? – подняв голову, спросила она.

– А? Да, точно, это было круто.

И вот так всегда. Чего круто? Он делал все это молча, даже ни разу не зарычал, и в конвульсиях не бился. Потрясется и затихнет. Но с ним Оксана чувствовала себя уверенной. «Может, мне этого хватит? Зачем мне искать приключений, сколько можно? Ну, был раньше оргазм, теперь нет, ну и ладно, ведь не в этом же счастье. А в чем?» – сразу спросила она себя. В работе, так она до этого считала, и все же было обидно, даже очень.

– Я пойду?

Алексей никогда не оставался у нее до утра, да и сама Оксана не хотела, чтобы он смотрел на ее помятое лицо и растрепанные волосы. Кто он ей? Очередной мужчина, который скоро растворится, и она останется одна.

– Оксан, ты дома? – вечером позвонила Юлия.

– Да, хочешь зайти? Тогда жду тебя.

– Бегу.

– Слушай, купи хлеба, а то у меня закончился. Сможешь? Спасибо, жду.

Юля пришла только через час, принесла целую сетку продуктов.

– Ты же сейчас дома работаешь, вот, на, это помидоры, вот огурцы и яблоки, а еще макароны, ты говорила, что любишь из твердых сортов пшеницы, вот, две пачки.

– Сумасшедшая. Проходи, где пропала?

– Дома, ругалась со своим.

– Зачем, решила ведь разводиться. Кстати, где он у тебя, почему без него?

– А по врачам бегает, достал уже.

– Что-то болит? – спросила Оксана и положила макароны в кипящую воду.

– Это ему за мои страдания. К андрологу ходит.

– А это кто такой? Не слышала.

– Мужской гинеколог, вот кто это.

– А... Подцепил что-то? – Оксана посолила макароны.

– Импотент паршивый.

– Что?

Оксана села за стол и удивленно посмотрела на подружку, в голове сразу замелькали воспоминания, как она его проклинала. «Сработало! Тьфу ты, что за глупости, еще плевать через плечо начну», – подумала она и погладила руку подруги.

– Не переживай, сейчас все лечится, и это тоже.

– Говорит, что это нервный срыв по работе.

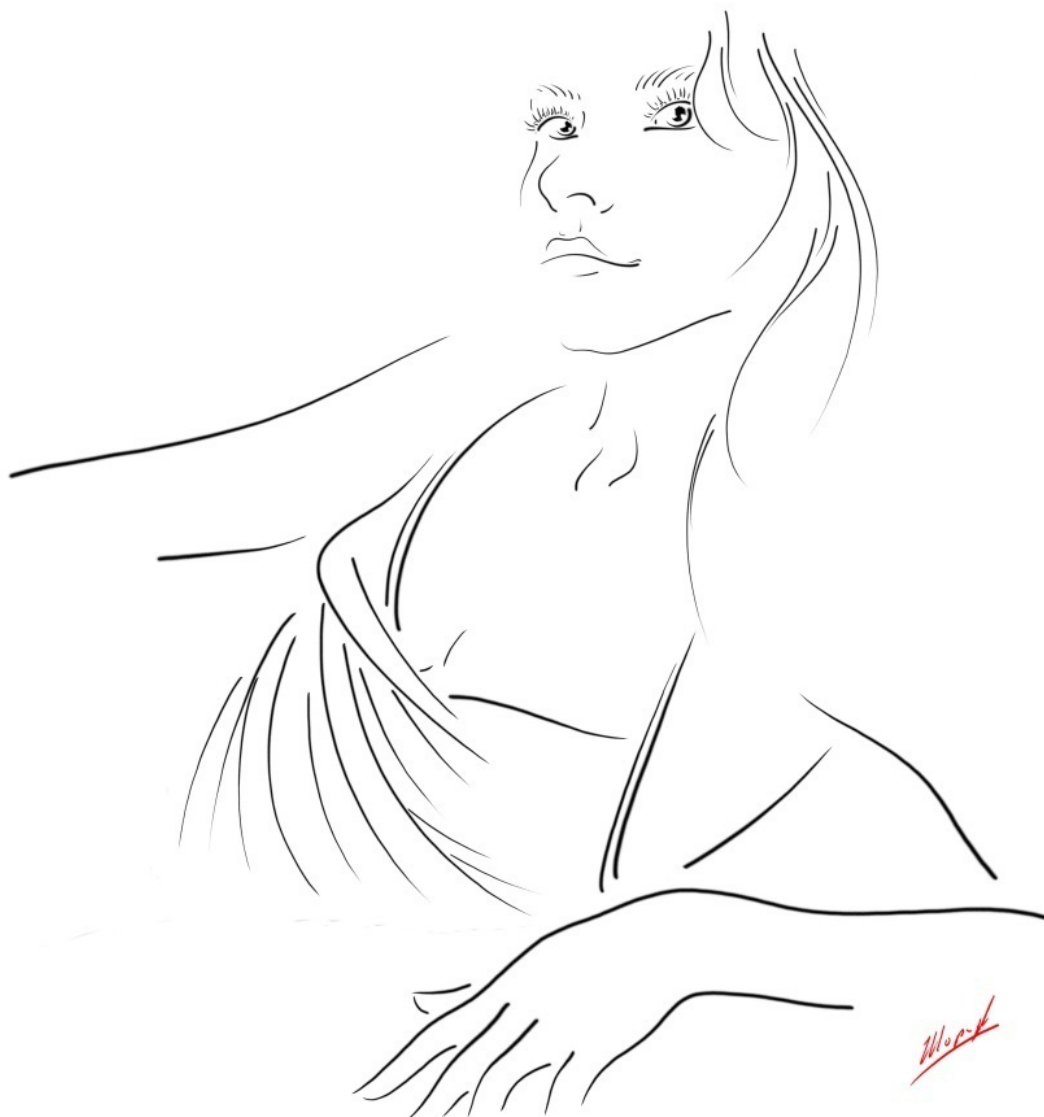
– О, пусть возьмет отпуск, и махните на юг, все заработает.

– Не получится. Деньги все на врачей потратил, таблетки глотает пачками и все время злится.

– Еще бы не злиться, – уже радостно сказала Оксана и, достав дуршлаг, стала сливать воду из кастрюли. – Сейчас поешь, и настроение появится. Салат будешь?

– Буду.

12. Крысиные бега

Юля ушла ближе к ночи.

– Получилось, получилось, – чуть ли не визжа как девочка, Оксана прыгая по квартире. – Но ведь глупо же думать, что в этом я виновата, глупо, – она сидела и рассуждала. – Яна проболталась, что муж ее не удовлетворяет, стал холодным и раздражительным. Что она с ним даже как-то поругалась, что он ничего не может делать в постели. Но разве в этом виновата я? Мало ли что там может быть у него. Но ведь приятно же.

Оксана встала, пошла на кухню и, вскипятив чайник, сделала себе крепкое кофе.

– Проклинаю тебе и твоё семя! Чтобы впредь никогда он у тебя не подымался, никогда! Никогда!

Со злобой в голосе сказала Оксана, адресуя сказанное Борису.

– А что там с тобой, Артур, приключилось?

Да, она его ненавидела не меньше чем Бориса, но все же в свое время любила, или ей так казалось.

– Значит, все отсохло? Ха... – она засмеялась и радостно вернулась в зал. – Проклинаю и тебя. Будь проклят, сволочь. Ненавижу! Ненавижу! И тебе никакой врач не поможет, останешься до конца своих дней евнухом. Проклинаю!

Оксана вздохнула, взяла кружку с кофе, понюхала и сделала глоток.

– Ну, все, теперь я спокойна. А что если в этом и правда, я виновата. Стоп! Почему виновата? Я не виновата, я хотела этого, и вот результат. Я ведь рада? Да, рада. И пусть они мучаются за свои поступки. И что теперь? А если это мой дар? Что за глупости, дар. Какой? Проклинать? Да!

Оксана разговаривала сама с собой, задавала вопросы и тут же искала на них ответы.

– А если это так, то как можно убедиться, что я могу проклинать? Нет, мне это словно не нравится, я не проклинаю, а пресекаю дальнейшее зло. Во... Точно, пресекаю и точка. И как в этом убедиться?

В голове вертелись мысли, она как маленькая девочка строила планы, что-то отбрасывала, а что-то пока оставляла.

– Мне надо найти маньяка. Ага, щас, они так и стоят и ждут меня, мол, смотрите, мы тут, иди к нам. Нет, так дело не пойдет. Какая вероятность, что вообще это произошло со мной? Ну, попалось пару придурков, что из того. Не все такие козлы.

С этой нерешенной проблемой Оксана уснула, а потом потянулись дни работы. Ей надо было закончить заказ, который поглотил все ее свободное время. Творчество – вот вершина пирамиды всего прогресса, ради этого существует цивилизация. Еще в детстве Оксана спрашивала своего отца: «Зачем все это?». Он брал ее на руки, хотя к тому моменту, она уже была достаточно взрослой девочкой, и старался объяснить на простых примерах.

– Вот хлебороб, он сеет, выращивает пшеницу, но чтобы это сделать, ему нужен трактор, а чтобы сделать трактор, надо добыть руду, сделать металл, а после инженеры должны сконструировать трактор. Надо заправить, вот и нефтяная промышленность, а после пекарня, электричество, вот уже и атомная энергетика, дороги. И всех этих людей, которые делают трактор, надо веселить: телевидение, кино; учить: вот и школы, институты. Но наконец хлеб испечен, и хлеборобу надо всех, кто работал над трактором, накормить. Вывод?

– Крысиные бега.

– Верно. В этом есть бессмысленность, но в то же время это и есть прогресс.

– Но зачем все это? Получается, что все работают только ради еды и развлечения.

– Верно, другой цели нет. Но вот сидит один бездарь, так его называют почти все, и пишет книгу или рисует картину. От него нет никакого проку в этой цепочке, но именно он и есть вершина того самого айсберга, что называется прогресс.

– Стоп, ты хочешь сказать, что все работают только на него? На этого бездаря, бездельника?

– В какой-то мере да. Он и есть вершина человеческой эволюции. Творчество буквально во всем, в этом наша цель.

Этот разговор состоялся давно, но Оксана запомнила его и вот теперь творила. Мазок за мазком она накладывала линии, из этого хаоса рождалась гармония. Она отошла в сторону, посмотрела на свои полотна и, довольная собой, села в кресло.

– И что теперь?

Так всегда происходит. Ты выплеснул свою душу на полотна, и теперь у тебя внутри опять пусто и становится грустно. Оксана с сожалением посмотрела на картины. Хотелось взять карандаш, лист бумаги и начать рисовать. Хотелось еще и еще. Словно ты наркоман и тебя тянет снова погрузиться в свой мир фантазий, творить и опять опустошить свою душу.

– Нет, надо подождать, – сказала Оксана и, взяв телефон, позвонила заказчику. – Все готово, можно забрать.

13. Вы, наверное, меня не за ту приняли

Оксану, как и многих других преподавателей училища искусств, пригласили на выставку. Обычно каждый ходил сам по себе, по принципу: хочу иду, не хочу не иду. Но сейчас мэрия хотела видеть как можно больше людей, кто хоть как-то разбирался в искусстве. Выставка из Китая, меценаты, бизнесмены, политики. В общем, очередная показуха, где на каждом шагу стояла телекамера и бегали журналисты.

– И что мы тут делаем? – спросила Светлана Феокистовна Оксану.

– Смотрим. Пойдем лучше вон туда, тут шумно, да и мы лишние.

– Не хотите? – к ним подошел мужчина и протянул поднос с бокалами шампанского.

– Спасибо, – сказала Оксана и взяла два. – Держи.

– Я мало что помню из истории китайского искусства, разве что стили се-и и гун-би. Ах да, еще гохуа.

– Или по-западному сиянхуа.

– У меня есть шелковая картина, современная, красивая, там изображен ворон на ветке. Ничего лишнего, могу часами рассматривать. Вроде пятно, но его очертания сразу рисуют образ птицы. Потом тебе покажу. Пойдем, посмотрим вазы.

Девушки углубились в зал, где среди современных макетов заводов стояли роскошные вазы.

– Зачем они смешали все в кучу?

– Наверное, хотели показать, что история неотделима от того, что сейчас происходит у них.

– Это же утопия. Ты видела их города, какой смог. А военная дисциплина на заводах. Они как муравьи, бегают и все что-то делают.

– Деньги.

– Всею виною деньги, пойдем дальше.

Они прошли по нескольким залам, потом к ним подошла девица с микрофоном и стала задавать глупые вопросы, которые никак не относились к теме искусства. Опять появился тот самый мужчина с подносом, и они поменяли бокалы с шампанским. В голове заиграло, стало весело. Девушки, не обращая внимания на политиков, шли дальше.

У каждого свои игры. Мужчины играли в бизнесменов, кто больше заработает, словно это так важно. Они пыжились, играли свою роль. Оксана отошла в сторону и стала присматриваться к этой странной публике.

Да, эти люди нужны, это промышленность, деньги, налоги, а значит, ее зарплата. И все же это так наивно и глупо. «Неужели нельзя по-иному?» – иногда Оксана спрашивала отца. «Нет, – отвечал он. – Это принцип мировой экономики и банковской системы. Не сломав одно, не получим другое». «И когда все это сломается?» – спросила она. «После того когда человечество осознает, что оно гибнет», – ответил он. «Война?» – спросила Оксана. «Война или что-то иное, когда экономика как пузырь лопнет, и тогда уже будет не американская депрессия, а мировая. Деньги станут бесполезными, но жить захочется всем, даже тем, кто в прошлом обладал миллиардами, и война будет и голод, все будет».

– И как вам здесь? – к Оксане подошел высокий мужчина.

Она его быстро просканировала. Есть стиль в одежде, что-то навязали стилисты, как по шаблону наложили. Что-то он оставил свое. Возможно, это подарок жены или кого-то близкого, а что-то явно выпирало, как вульгарные золотые перстни на пухлых руках.

– Скучно, но есть на что посмотреть. Видели гохуа?

– Извините, я даже такого слова не слышал.

– А вон, картины за тем мужчиной, который явно спер ручку со стола.

– Ха...

– А вон там картины в стиле у-син, пойдёмте, покажу.

Надо было с кем-то поговорить, вот и Оксана, словно экскурсовод, кратко рассказала про китайскую живопись.

– Может...

Он еще не закончил, а она уже ответила.

– Хорошо, почему бы и нет.

– Тогда через час, если вы не возражаете.

А почему она должна возражать, что делать дома? Заказ сдан, теперь Оксана была свободна и могла отдохнуть. Наверное, каждая женщина в душе мечтает о своем принце, и не о шалаше, а как в сказке, о замке.

После конференции, что закончилась только вечером, они и еще несколько мужчин с женщинами пошли в ресторан. На душе было легко. Какое ей дело, что там будет завтра. Оксана запомнила на всю жизнь, что миг между прошлым и будущим называется жизнь.

Они поднялись на смотровую площадку отеля, где в этот вечер отдыхали. Уже стемнело, но долго любоваться городом не получилось, заморосил дождик.

– Пойдем, Оксан, – они уже с «вы» перешли на «ты». – Идем.

Он взял ее за руку и потянул за собой. Она не сопротивлялась, а быстро перебирая ногами, бежала за ним, словно боялась отстать. Он повернул и уверенным шагом пошел дальше, почти у самого тупика толкнул дверь и вошел в небольшой зал, предназначенный для конференций. Включил свет. Оксана пожала плечами, не понимая, зачем они тут оказались.

Геннадий Петрович, так он ей представился. Закрыл за собой дверь и повернул шею к ней в замке. «Вот оно что», – подумала Оксана и стала смотреть, как мужчина снял пиджак и повесил его на спинку кресла.

– Вы, наверное, меня не за ту приняли? – сказала она и пошла в сторону двери.

14. Вон!

Оксана не испугалась, уже проходила что-то подобное и даже была готова к этому. Но все равно на душе стало нехорошо.

- Я пойду.
- Мы завтра встретимся? – спросил он.
- Нет.
- Почему?
- Я что-нибудь придумаю.

Но этот ответ мужчину не удовлетворил, и он стал развязывать галстук. Она стояла на месте и смотрела на это самодовольное лицо, а сама про себя уже шептала: «Я проклинаю тебя и твою семью! Я...».

– Ты ведь для этого и пришла на выставку, чтобы...

– Да ну? И кто вам такое сказал. Ваше большое воображение, или это было написано в пригласительном?

Ей хотелось сказать ему гадость, чтобы он озверел и набросился на нее. Чтобы шипел и повалил на стол, а она, рыча, пыталась его укусить.

– Вы самодовольный человек, считаете, что если есть деньги и у власти, то все? Не забывайте, капля власти часто превращает человека в урод. Вы такой?

Похоже, ему на все было наплевать. Мужчина быстрым шагом подошел к Оксане и, не спрашивая ее, стал расстегивать на ней блузку. Удар в пах, и он, словно сломанное дерево, согнулось, но он не упал. Стоило ему прийти в себя, как глаза вспыхнули гневом. «Давай, урод, давай. Сколько можно тебя бесить?» – кричала про себя Оксана, а сама делала осторожные шаги в сторону двери. Она хотела уйти сразу же, как поняла его намерения, но он специально пропустил Оксану вперед и теперь перекрывал ей выход. Можно было закричать, но услышит ли хоть кто-то в этом глухом коридоре? А может, будет еще хуже.

Он прыгнул, словно пума на оленя. Оксана отскочила, но налетела на стулья, что аккуратно стояли рядами, и сразу упала. Мужчина тут же навалился на нее.

- Не дергайся, ну же, прекрати! – громко, словно на выступлении, стал говорить он.
- Отпустите, я не та...

– Та, именно та, а теперь прекрати извиваться. Иначе вызову охрану и тебя свяжут, а потом...

– Прошу, отпусти. Зачем я тебе, прошу...

Оксана испугалась его взгляда, глаза остекленели и стали страшными, словно из фильма ужасов.

– Не дергайся, зачем тебе это, ты ведь женщина, так ведь? Так! – крикнул он, и Оксана непроизвольно кивнула головой. – Тогда что визжишь? Трудно, что ли, сделать это. На, – он полез в карман брюк и достал какие-то деньги. – На, возьми. Все стоит денег, и ты тоже. На, кому говорят! На!

Оксана в ужасе схватила то, что он тыкал ей в лицо, и уже не зная, что делать, зашептала про себя: «Проклинаю, проклинаю...».

- Давай по-мирному. Хорошо?
- Да, – жалобно ответила она.

Он закончил расстегивать на Оксане блузку, дернул лифчик, и грудь, подпрыгнув, выскользнула из-под нее. Пальцы сразу вцепились в ее мякоть и стали сжимать.

- Больно, – поскуливая, сказала она.
- А теперь снимай трусы!

Оксана вздрогнула от его голоса и, быстро перебирая руками, стала тянуть юбку вверх. «Проклинаю, проклинаю...», – не переставая, повторяла она про себя. Наконец пальцы дотянулись до колготок, подцепили их и вместе с трусами, извиваясь всем телом, Оксана стала снимать их с себя.

– Хорошая девочка, хорошая, – сказал он и уставился на ее голый лобок. – Не дергайся, и через пять минут пойдешь допивать свое вино, а теперь...

Она почувствовала что-то липкое и скользкое, словно это угорь коснулось ее кожи.

– Разведи ноги. Быстро!

– Будь ты проклят!

Уже вслух сказала Оксана и ощутила, как его монстр резко вошел в нее. Она вскрикнула, но тут же зарычала. Уголек, что тлел в ее утробе, вдруг вспыхнул. Она заморгала и посмотрела в глаза этому придурку, что уже затрясся. «Попался», – ехидно сказала Оксана про себя. А тот все трясся и трясся.

– Не получается? – пошутила она.

А в это время между ее ног все горело, полыхало. Еще немного и все. Она знала, что через секунду сорвется, подняла ноги вверх и как руками обхватила его туловище. Сгибая ноги, она прижала самца к себе. Ему стало трудно дергаться.

– Отпусти! – приказал он.

Но вместо этого Оксана еще сильнее сжала ноги, вгоняя в себя как можно дальше его монстра. Мужчина захрипел. Она сжимала его легкие, а он, дергаясь, пытался освободиться. Монстр чавкал, то выскакивал, то опять врывался. Еще немного и все будет кончено. Оксана со всей силы сжала ноги, так что зазвенели сухожилия. Боль и вдруг этот взрыв, от которого ее тело затряслось, грудь запрыгала, а мужик, словно почуяв неладное, стал выкарабкиваться из ее объятий.

В основном на войне люди гибнут не от осколков, а от звуковой волны, что создает мгновенную декомпрессию. В это время глаза вываливаются из орбит, ушные перепонки лопаются, и внутренние органы получают повреждения, из-за которых погибает солдат.

– Будь ты проклят! – громко крикнула Оксана, чтобы этот дебил в галстук услышал ее.

Ноги болели, сердце все еще визжало, а легкие разрывались от нехватки воздуха. Оксана перевернулась на живот и, встав на колени, посмотрела на мужчину, что застегивал на себе брюки.

– Я проклинаю тебя, и впредь твой слизняк не познает женского тела. Я кастрирую тебя, с этого момента ты евнух. Проклинаю! Проклинаю!

Оксана нашла в себе силы встать. Ей было противно смотреть на себя и даже думать, как она сейчас выглядит.

– Доволен? Насильник! Урод! Запомни как следует, тупая башка. Я проклинаю тебя и твое семя, и твоего червяка, что уже никогда не встанет.

Мужчина привел себя в порядок и, довольный собой, повернул замок.

– Похоже, тебе это понравилось, девочка, может, мне еще кого-то пригласить?

– Вон!

Он не стал искушать судьбу, у него и так побаливали ребра, которые чуть было не сломала хрупкая девушка.

15. Стой здесь

Как только Оксана осталась одна, она быстро подошла и закрыла дверь на защелку. Пальцы тряслись от гнева и страха.

– Почему опять я? – этот идиотский вопрос мучил ее постоянно. – Почему опять вляпалась в эту историю? Ведь думала, думала, что-то подобное может произойти, и все равно пошла в ресторан.

Она села в кресло, посмотрела на трясущие пальцы, на грудь, что тряслась как вымя коровы. Оксана поднялась и, найдя в себе силы, стала приводить себя в порядок. Застегнув последнюю пуговицу на блузке, она немного успокоилась. Еще час просидела в зале, и только после этого осторожно, словно ее за дверью ждет монстр, открыла ее.

Спустилась на первый этаж и, стараясь не привлекать ничьего внимания, вышла на улицу. Уже было темно, дождь продолжал моросить, она пешком дошла до дому, промокла и замерзла.

– Будь проклят!

Сказала Оксана и, раздевшись, села в пустую ванную, дотянулась до крана, включила воду и стала смотреть, как та побежала. Размышляя, она пришла к выводу, что хотела довести мужчину до кипения, чтобы он разозлился и тогда уже не смог себя контролировать.

– Он и так бы это сделал, – сказала она в свое оправдание. Просто ей надо было, чтобы он проявил агрессию, вот и кричала на него. – Я получила что хотела. Но кто-нибудь может мне объяснить, почему опять испытала оргазм, да еще какой.

Вода уже коснулась ее груди, она расслабилась и опустилась чуть ниже. Стало тепло и как-то спокойно, словно ничего плохого не произошло.

Он хотел ее и получил, не важно как, но получил. Сопротивлялась бы Оксана или нет, ему она просто была нужна. Мысли растворились и словно туман стали растекаться во все стороны. Оксана не заметила, как прямо в ванной уснула, а когда проснулась, удивилась себе. Теперь ей было все равно, она не хотела колупаться в прошлом. Встала, вытерлась и сразу ушла в зал, где уже остыл ее кофе. Закутавшись в плед, она погрузилась в сон, у которого не было снов.

Выходной. К обеду появилась Света.

– Можно я у тебя побуду? – спросила она.

– Поясни?

– Переночую.

– Свет, что случилось?

Оксана целый день лежала в постели, только раз встала, чтобы согреть себе чаю, а все остальное время лежала и читала книгу. Лишь только появление подруги заставило ее подняться и прибрать постель.

– Он опять.

– Ударил?

– Да. Слушай, я вот не понимаю, что я ему такое сделала, чтобы он меня дубасил, словно я груша. Что?

– Расскажи.

Оксана сразу вспомнила вчерашнюю боль. Неужели все женщины терпят, но молчат. Ведь раньше Оксана как-то не сталкивалась с насилием, лишь только когда повзрослела. Или она просто этого не замечала?

– Что случилось? Кстати, дети где?

– У мамы, отвезла к ней.

– Хорошо, опять ударил, покажи.

Света молча сняла брюки, от ягодицы и вниз тянулись синяки.

– Да, в юбке не походишь, – сказала Оксана. – А выше?

Света молча задрала кофту, спина была чистой, а вот спереди, особенно в районе груди, было три подтека.

– Может, напишешь заявление в полицию?

– Он ведь сам из полиции.

– Ну и что? Это ведь не дело, когда тебя бьют.

– Не могу.

– Свет, прекрати так себя вести, в прошлый раз побил, сейчас хочешь, чтобы он сделал тебя калеккой. Сломает ногу или челюсть, что лучше, выбирай.

– Не говори так. Не знаю, что делать, порой люблю его, а иногда ненавижу, готова проклинать и...

Оксана задумалась над словом «проклинать». Ведь еще вчера сама кричала на Геннадия Петровича и проклинала его. «Сработало, интересно, или нет?», – подумала она и, достав телефон, настроила на фотоаппарат.

– Разденься, я тебя сфотографирую.

– Зачем? – испугалась Света.

– Ты ведь не пойдешь делать освидетельствование.

– Нет, конечно же. Я не сумасшедшая.

– Я просто сниму твои синяки, а фото пусть лежат. Может, тебе же на будущее пригодится.

– Нет.

– Да брось. Свет, я же хочу как лучше. Пусть они лежат, может, потом сама скажешь спасибо. Раздевайся.

– Хорошо, только обещай, никому не покажешь.

– Могу тебе их дать.

– Нет, пусть у тебя, иначе сотру. Как, совсем раздеваться?

– Раздевайся, что тут такого.

Света сняла с себя всю одежду, как-то неловко сжалась, словно вышла на подиум.

– Идем сюда, тут свет и телевизор.

– А он тебе зачем?

– Читала, не помню где, в какой-то книжке. Чтобы не было сомнений в дате снимка, в кадре должен быть неоспоримый факт с датой. Раньше использовали газету, а теперь телевидение. Тут сбоку у экрана есть дата и время, а еще сюжет из новостей.

– А...

– Все, стой здесь, руки опусти, да опусти же. – Света осторожно убрала ладони от груди и опустила их вниз. – Странно, почему надо прикрывать соски, что в них такого? Если что, их на экране заклеивают. Какая-то глупость.

16. Уходите и больше не появляйтесь

После необычной фотосессии Оксана отправила подружку принять ванную и расслабиться, а сама пошла готовить обед.

– Не все ведь мужики такие варвары, – нарезая овощи, говорила Оксана. – Вот Степа, Алексей, Илья, Вовчик, тот же самый Борис и Максим, да их много, как погляжу.

Света прожила все выходные, а после в понедельник все же рискнула и вернулась домой.

– Если что не так, приходи ко мне, – сказала Оксана. – Купим тебе раскладушку и будешь нормально жить, пока не разберешься.

Света кивнула, поблагодарила подругу, что та ее приютила и, мысленно перекрестившись, пошла к мужу. А уже через день она позвонила, в голосе была радость, пригласила на ужин.

– Вот сумасшедшие, то бьет, то любит. Как так жить? – сказала Оксана, обрадовавшись, что у ее подруги пока все нормально.

И опять потекли дни работы. За первым заказом картин, что Оксана сдала клиенту, последовал еще один. Теперь надо было сделать натюрморты в пастельных тонах. В них она была не очень сильна, но клиент сам указал, в каком направлении надо работать.

Когда работаешь, дни пролетают незаметно. Она сходила в музей, посетила фонд и сделала сотню снимков старинных вещей, что должны быть на картинах. Уже набросала с десятков эскизов и показала их на утверждение заказчику. Не хотелось работать впустую. Творчество – дело тонкое, особенно если работаешь на заказ.

– Оксана Геннадьевна, – в аудиторию, где уже закончилась лекция, заглянула секретарь. – Вас искал мужчина, он сейчас в фойе.

– Кто?

– Я не запомнила. Сказала, что найду вас и передам.

– Хорошо, спасибо.

Дверь закрылась. «Опять чей-то папаша пришел за свое чадо просить», – подумала она и, сложив конспект лекций в сумку, вышла из аудитории. Каблочки зацокал по мраморному полу. Цоки-цоки-цоки. Оксана улыбнулась услышанному и, спустившись на этаж вниз, вошла в фойе.

Мужчина словно генерал, руки сложены за спиной. Он смотрел сквозь стекла на улицу. Услышав приближающиеся шаги, он дернулся и осторожно повернул голову.

– Вы! – был возмущенный голос Оксаны. – Убирайтесь!

И не дожидаясь, что он скажет, тут же развернулась и пошла обратно. «Вот сволочь, он еще приперся сюда», – кричала про себя Оксана.

– Прошу, остановитесь, я не хочу ничего плохого.

– Не хотите? – возмущенно спросила она. – Не хотите!

– Извините, мне надо с вами поговорить.

– А я не желаю с вами говорить. Убирайтесь!

Оксана быстро стала подниматься обратно к себе в аудиторию, там есть дверь и она может закрыться. Воспоминания, от которых она так долго избавлялась, снова поглотили ее. Она вспомнила, как лежала на полу и стягивала с себя колготки. За спиной послышались быстрые шаги мужчины.

– Убирайтесь, иначе я вызову охрану и скажу, что вы пристаете. Уходите!

– Оксана Геннадьевна, прошу вас, выслушайте меня.

Она остановилась, и он тоже сразу остановился.

– Стойте там. Слушаю.

– Прошу извинить меня за тот случай, я...

– Мерзавец, – но она тут же замолчала, поскольку услышала, как кто-то шел по коридору. Она подошла к окну и посмотрела на прохожих, которые не спеша шли по парку. – Что вы хотите?

Ее голос изменился, она так и не смогла забыть те минуты в конференц-зале. Мужчина сделал шаг в ее сторону.

– Стойте, где стоите. Слушаю.

– Хорошо. Прошу меня извинить за то, что я сделал, не знаю, что на меня нашло. Вы красивая женщина, может, бес попутал, но не смог устоять, вот и...

– Вас бес не попутал, он всегда был в вас. Так что вы хотите? – еще раз спросила она.

– Вы тогда сказали, что проклинаете меня.

На этих словах Оксана отвернулась и улыбнулась.

– Я еще раз прошу извинить меня за то, что сделал. Вы говорили про проклятия и понимаете...

Оксана повернулась, в ее глазах вспыхнул огонь.

– Член не стоит? – из ее уст это звучало грубо, даже вульгарно. – А вы что хотели?

– Я прошу прощения. Что я могу сделать, скажите?

– Мне от вас ничего не надо, вы букашка в этом мире. Не станет вас, кто вспомнит? Возомнили себя божком, всемогущим, которому можно все?

– Извините.

– Уходите и больше не появляйтесь.

– Но...

– Убирайся, ты не знаешь меня, червяк. И даже не приближайся, иначе твои внутренности сгниют раньше, чем успеешь дойти до туалета. Уходи.

– Еще раз прошу извинить, – сказал мужчина и, с почтением склонив голову, развернулся и пошел к выходу.

«Идиот!», – мысленно сказала Оксана и вернулась к себе в аудиторию.

– Он думает, что в этом я виновата. Услышав мое проклятье, он сам себя запрограммировал, и теперь каждый раз возвращается в исходную точку. Его мозг заклинило, программа зависла.

17. Возьмите котёнка

Несмотря на то, что произошло, Оксана осталась довольной. Может, где-то и она приложила руку к тому, что у Бориса возникли проблемы, а после у Артура, а теперь у этого напыщенного болвана. Ей хотелось в это верить.

– Слушай, Галь, – с ней они вместе работали. – Ты говорила, что у тебя бабушка умеет заговаривать болезни.

– Да, к ней в деревню часто обращаются, даже из города.

– А что она заговаривает, какие болезни?

– Разные. Вот мой брат до пяти лет иногда писался, она его заговорила и больше не стал. А дядя Николай часто выпивал, хороший, добрый, но пил, а после тоже перестал.

– А что она с ними делает, ты видела?

– Видела, трудно сказать. Просто шепчет свои слова, что все пройдет, хворь уходи и так далее. Помашет венчиком из травы, дым пустит. Со стороны кажется, что глупость, но это работает.

– А всем помогает?

– Нет, не всем, некоторым наотрез отказывает. Не верит, что они хотят вылечиться. Тут ведь главное, чтобы он сам хотел. Мой брат хотел, ему было стыдно, в садике ссыкуном обзывали, и дядь Николай тоже хотел. Она сперва поговорит, а после решает, помогать или нет. Если человек не хочет лечиться, тут и таблетки не помогут, все равно останется больным. Если не этим, то чем-то другим заболеет, они как магнит притягивают к себе болячки.

– Интересно.

– Она у меня добрая, сейчас ослепла, жалко.

– А она умеет снимать порчи?

– Это дело серьезное, не все могут, с порчей нужно быть осторожным, в землю зарывать.

– Как зарывать?

– Не знаю, бабушка говорила: «Сделал порчу, зарой в землю». Ну, это, чтобы она к тебе не вернулась, что-то в этом роде.

– А...

В тот же день Оксана пришла домой, взяла листок бумаги и написала имена своих обидчиков. А вечером, когда солнце село, пошла в парк и зарыла листок. Не забывая при этом повторять, что проклинает своих насильников. Пусть это глупо, она ведь изучала науки и знает, что этого не может быть. Но факт оставался фактом. Один – случайность, два – это возможно, но три – уже факт.

– Колдунья, только мне этого еще не хватало.

В конце сентября Оксана уехала на курсы повышения квалификации. А вернувшись, сразу села за мольберт дорисовывать заказ, который все еще не был закончен.

– Тетенька, возьмите котенка.

Возвращаясь вечером домой, к ней подошли две девочки. Они, наверное, учились в классе втором или третьем.

– Откуда он у вас?

– У нас в доме кошка в подвале живет, родила и куда-то убежала, а они все пищат и пищат.

– Возьмите, мы и корм купили, вот пакетик.

– Возьмите, пожалуйста.

– Он один был?

– Нет, три, одного дяденька взял, а другого бабушка.

– Возьмите.

Оксана даже не знала, что делать. Девочки потратили свои сбережения, чтобы купить корм и теперь искали тех, кому могли доверить котенка.

– Ну, я даже не знаю. Дай подержать.

Стоило ей взять этот пушок в руки, как он сразу заурчал.

– Вот видите, он вас сразу полюбил, так редко бывает.

– Возьмите.

– Но я не знаю, что делать.

– А мы расскажем...

И девочки наперебой стали рассказывать, что надо делать.

– Завтра обязательно купите лоток, это туалет. Если он напишет или еще что-то сделает, не ругайте, вытрите, а на то место поставьте лоток. Он привыкнет к нему, и уже потом переставите куда захотите.

– Вода должна быть всегда, – тут же добавила вторая девочка. Ест мало, маленький.

– Ну что, возьмете?

Оксана думала завести кошку, но вот так сразу, даже растерялась.

– Ладно. Только давайте сделаем так. Я вам заплачу за корм, хорошо?

– Хорошо, – согласились девочки и достали два пакетика с жидким кормом. – Вот, держите. Надо покупать, это на всякий случай, все же был в подвале.

– Хорошо, спасибо вам. Ну что, Барсик, пойдём домой.

Так звали большого рыжего котаиз ее детства. С ним она спала, обнималась, а тот вечно охотился на мышей и птиц, за что выслушивал от Оксаны обвинительную речь.

– Пока, Барсик.

– Пока.

На прощание прокричали девочки и довольные, что пристроили всех котят, пошли домой.

С котом стало жить лучше. Он сразу привык к туалету, попытался первое время поточить когти об угол дивана, пришлось подстричь, а после купить специальную точилку. Стоило Оксане прийти домой, как он тут как тут, бегаёт, мяукает. Возьмешь на руки, как сразу начинает мурлыкать и тереться мордой о щеку.

– Ну, все-все, а теперь кушать.

18. Сработало ведь, сработало

- Ну, что, будешь брать моего парня? – спросила Вика Оксану.
- Ты ими словно горячими пирожками торгуешь.
- Да, уйдет же, холост, юрфакт закончил, сейчас в Газпроме работает, далеко пойдет.
- Нет.
- Опять нет. Ты что, в девках решила остаться или в монастырь пойти?
- Я со своей жизнью сама разберусь, а у тебя-то как?
- Да вот пока живем вместе, перебрался ко мне.
- Что?

Оксана была удивлена. Вика так искала богатого, с машиной, домом и положением. И вдруг такой поворот событий.

- Ну, он у меня умный, в банке работает, а знаешь какой оклад?
- Если такой богатый, что не купит квартиру? От мамки сбежал?
- Ты уж сразу в лоб. Не сбежал, а ушел, и мы уже думали насчет расширения, к примеру, трехкомнатная или четырех. Какую лучше?
- Не в комнатах счастье, а в детях и муже. Что будете делать в четырехкомнатной?
- Ну, гостей принимать, тусоваться. Да ладно тебе, так и скажи, что завидуешь.
- Было бы чему.

За последний год Вика сменила уже третьего кавалера. Но если она останавливалась на ком-то, то все пиши пропало. Тут и любовь, и секс, и деньги, все вперемешку.

- Оксана Геннадьевна, – в аудиторию вошла секретарь. – Вам передали, – положила на стол небольшую коробочку, аккуратно перевязанную бечевкой, словно там бомба.
- Кто передал?
- Пришел мужчина и передал, сам постеснялся к вам идти.
- Он ушел?
- Да, сразу же. Поклонник?
- Если бы. Спасибо, Вер.

В аудитории сидело несколько студентов и старательно делали наброски бюста. Оксана не любила сюрпризов, они редко кончаются хорошо, вот и сейчас смотрела на коробочку. В ней могло поместиться кольцо или небольшая книжка, а может, телефон, или мелки для рисования.

Оксана вздохнула и нерешительно развязала бечевку. «Почему именно бечевка, а не лента? И почему так упаковано?» – подумала она и приподняла крышку. Сердце замерло. Оксана смотрела на две ровные, еще в банковской упаковке, пачки денег номиналом по пять тысяч. Стало дурно. Столько денег в одном месте она никогда не видела. «Что за шутки? Кто решил так поступить? Ха, – тут же засмеялась она про себя. – Они же фальшивые». Оксана разорвала банковскую ленту и достала одну из купюр. Почувствовала запах краски, и эта чуть шершавая поверхность. Сразу появилось сомнение, блески от подделки. Она посмотрела на просвет и увидела водяные знаки. «Настоящие! Что за черт! Может, ошиблись и это ректору?».

Оксана положила купюру обратно, всегда считала, что нельзя брать чужое, вот нельзя и все. Завязала коробочку той самой бечевкой, что больше была похожа на канат, из которого делали петлю для висельника. Ухмыльнулась догадке. «Козел, он решил откупиться».

- Все, время закончилось, собираемся, завтра продолжим, – громко сказала Оксана студентам. – Марина, я выйду, закрой дверь, когда все закончите.

– Хорошо, Оксана Геннадьевна, – ответила девушка.

Оксана поднялась на этаж выше, зашла в приемную и подошла к секретарю.

- Опиши мне его.

– Кого? А... – увидев в руке коробочку, протянула Вера. – Высокий, в пиджаке и галстук...

«Да... Приметы что надо, тут все высокие и в пиджаках», – подумала про себя Оксана.

– Какого цвета у него усы?

– Он без усов, – сказала секретарь.

– У него рыжие и вот такие волосы?

– Нет, он чуть лысоват, вот тут у висков и без очков, – понимая, что Оксана стала задавать наводящие вопросы. – Светло-голубая рубашка и темно-зеленый галстук с маленьким узлом, а еще запонки.

– Почему так решила?

– Он их то открывал, то закрывал, вот так, – и Вера прикоснулась к своему запястью.

– Слушай, а это не тот ли мужчина, что приходил осенью. Помнишь?

– Кажется, он.

– Спасибо.

«Козел, я тебе покажу, как откупаться, я тебе покажу», – говорила про себя Оксана, возвращаясь обратно в свою аудиторию. Деньги были огромные, но от них тянуло той самой слизью, что она почувствовала на своей коже в том самом зале. Стало противно держать коробку в руках.

– И что теперь? Что делать? Взять? – Оксане так хотелось их взять, ей нужны были деньги, чтобы привести в порядок вторую комнату. Да и вообще, разве от денег отказываются? – Вот козел, он решил, что за деньги все можно купить, даже меня. Хи... – Оксана хихикнула, понимая, что мужчина решился на исключительный шаг, значит, у него и правда большие проблемы с мужским достоинством, что размещается между ног. – Ха... Сработало ведь, сработало.

19. Мусор, он вам нужен?

В аудитории никого не было. Оксана не знала, что делать. «Взять или не взять?», – ее мучил этот вопрос. Она постояла около окна, вспомнила слова отца: «Честным быть легко, вот попробуй», и она тогда попробовала. С тяжестью в сердце Оксана в школе отдала книгу, что в свое время замылила у подружки, думала, что та забудет. А когда Лена увидела книжку, как ей казалось, потерянную, то так обрадовалась. Оксана испытала облегчение. Потом стало легче, и с каждым ее новым поступком становилось еще легче. И все же иногда случается, ответит не так как думала, то честно соврет, только потому, что это опасно или так надо.

Но что делать с деньгами, она не знала. И хотелось, и в то же время нет. В душе шла настоящая война. «Это мои деньги, я их выстрадала. Нет, тогда я буду как он. Значит, я продам свое унижение? Нет...» – думала она, посматривая на коробочку. Стоит сделать один шаг, и оправдания твоим действиям всегда найдутся, и тогда ты уже будешь одна из них.

– Нет! – решительно сказала Оксана.

Через час в аудиторию открылась дверь, и бодрым, уверенным шагом вошел мужчина, за ним еще и еще.

– Смирнова Оксана Геннадьевна?

– А вы кто? – спокойно спросила она мужчину.

– Селезнев Сергей Витальевич, майор ОЭБиПК, уполномоченный по расследованию финансовых преступлений.

– Ах, вот оно что. Слушаю вас.

Оксана даже не встала с кресла, смотрела на кучу народу, что вошли в аудиторию.

– Проходите, понятые, – сказал один из тех мужчин, что буквально затаскивал в аудиторию Веру и Марину Степановну, что преподавала лепку.

– И что вы хотите расследовать? – спросила Оксана.

– Вот, – Селезнев протянул листок, где было сказано, что Смирнова Оксана Геннадьевна подозревается в вымогательстве.

– И что дальше? – все так же спокойно спросила она его.

– Мы проведем обыск.

– Проводите, – словно ничего интересного не происходит, сказала Оксана и подмигнула Вере, что стояла у дверей и не знала, что делать. – Может, мне выйти, чтобы не мешать?

– Нет, оставайтесь.

– Вот, – все повернулись и посмотрели на мусорку. – Понятые, прошу посмотреть.

Оксана понимала, что происходит, и прекрасно знала, что они ищут. Они обнаружили пустую коробочку из-под денег, но их там не было. Следователь ничего не спросил, просто заглянул и, улыбнувшись, понял, что она дотрагивалась до них.

– Можно мы проверим ваши руки?

– Да. Думаете, они грязные?

К ней подседа женщина и, достав чемоданчик, включила синюю лампу. На ее пальцах засяяли зеленые разводы.

– Да, есть, – сразу сказала женщина.

– Не объясните, почему они у вас светятся? – спросил Селезнев.

– Потому что это ультрафиолетовая краска, и вы это знаете.

– Почему у вас они светятся?

– Вон там, – Оксана кивнула, и мужчина, что стоял рядом, открыл шкаф и стал просматривать полки. – Вторая сверху, да-да.

– Но...

Кроме кисточек, банок с краской и еще всякой ерунды ничего не было.

– Это флуоресцентная краска, иногда ею рисуют, чтобы картины смотрелись интересней под светом, а также ставятся росписи от подделки. А еще выше, на самом верху, там три коробки, вы их достаньте. Интересно, правда? – мужчина быстро снял и заглянул, но по выражению лица стало понятно, что он расстроен. – Это блески, также с флуоресцентным покрытием, их используют для театральных костюмов.

Селезнев был явно расстроен. Еще полчаса они рылись, перекладывая стопки бумаг и поднимая бюсты. Наконец, кому-то пришло в голову заглянуть в корзину из-под шредера. Это был уничтожитель бумаг, но не тот, что стоит у секретаря и режет на тоненькие полоски бумагу, а мощный, что может разрывать на мелкие кусочки картон и пластик.

Все столпились, повисла тишина. Селезнев опустил руку в корзину и, сжав в кулаке обрывки, похожие на пыль, бумагу, поднял ее вверх. Разжал пальцы, и все содержимое стало падать как снег.

– Что это?

– Мусор, он вам нужен? Если да, возьмите, вот, – она протянула им кулек, чтобы следователи смогли собрать все то, что осталось от денег.

Минут через десять аудитория опустела. Нет факта преступления. Сердце еще долго колотилось, но в душе Оксана смеялась.

– Это все из-за нее? – робко спросила Вера.

– Ага, решили подставить. Это у них такой метод борьбы с взяточничеством. Поэтому...

– А я не беру, – сказала секретарь. – Только шоколадки и...

– Слушай, а не пойти ли нам с тобой выпить кофе, а? Шоколад есть?

– Есть, только, чур...

20. Дар

Гнида всегда останется гнидой, и Геннадий Петрович, что потерял свои деньги, остался ни с чем. Оксану эта ситуация многому научила, она радостно возвращалась домой, а открыв дверь, сразу взяла на руки Барсика и долго гладила.

– Значит, он у нас импотент, ха, ну надо же, как весело получается. Надо узнать, что там с Артуром и Борисом, неужели и они тоже?

Звонок к Яне ошарашил Оксану. Она узнала, что ее подруга развелась с Борисом, и тот сразу сошелся с Галиной, что также училась с ними на факультете.

– Но, кажется, он уходит от нее и возвращается ко мне. Любит меня, – сказала Яна.

– Не обманывай себя иллюзией возвращения любимого человека. Возвращаются те, кому некуда идти. Любящего и насильно не выгонишь.

– Да, ты права. А что делать?

– Не знаю, сама решай, я не ты. Ты говорила, что у тебя, вернее, у него были проблемы в интиме.

– Ну да, были, лечился, а как сейчас не знаю. А что?

– Думаю, потому он и расстается с Галиной, что ничего как мужчина не может. Ты же знаешь ее, она яркая дама, не допустит евнуха в своей постели.

– Не пугай меня так. А ты знаешь, пошел он к черту. Бросил меня с детьми и уперся. Вот и пусть страдает, а я найду себе получше. Правда?

– Найдешь, обязательно найдешь.

Через день Оксана договорилась встретиться с Юлей, у которой раньше был муж Артур. Но они уже как полгода жили врозь, а вот почему, Оксана хотела знать. Осторожно задавая наводящие вопросы, она узнала, что тот еще до развода перестал с ней спать. «Значит, и он стал непригодным», – окончательно пришла к выводу Оксана.

Пусть это будет ужасное совпадение, в которое она уже не верила, но от того, что Оксана узнала, осталась довольна.

– Так вам и надо, – обнимая своего котика Барсика, говорила она, а тот, громко мурлыкая, тыкался мордочкой ей в щеку.

Может, и есть проклятие и наговор, что действует, а если так, то Оксана обладала редким, даже уникальным талантом. Она перебрала в уме всех знакомых, взяла лист бумаги и стала писать имена: Света и Максим, Вера и Женя, Лена и Славик. Получился длинный список. Некоторые имена шли отдельно, они были мужскими, а значит неженатыми. Среди парных имен Оксана стала делать пометки. Если «+», то значит хорошо, если «?», то сомневалась, если «-», то значит проблема, а если два «- -» то все печально, как со Светой, которая опять звонила и хотела прийти на выходные с ночевкой.

Оксана понимала, что человек не может быть идеальным, всегда есть плюсы и минусы. Но когда агрессия перехлестывала здравый смысл, человек превращался в сволочь.

Света, Люба, Нина, у них в семье творилось что-то неладное. Оксана крутила в руке карандаш и напротив Светы написала: «бьет». У Любы она как-то видела, что на запястьях были синяки ссадинами, словно от наручников или веревок. Напротив ее имени Оксана написала: «издевается».

Осталась Нина. С ней было трудней, поскольку Нина перестала общаться, ходить в гости. Да, к ней можно было прийти, но она сама нет. Голова вжата в плечи, смотрит исподлобья. Ревнует. Сделала вывод Оксана и напротив имени Нина написала: «ревность».

– Бьет, ревнует, издевается, и... – она подумала и добавила. – Насилует. Вот, пожалуй, и все. И что теперь мне делать?

Оксана поверила в свой дар, пусть необычный, но все же дар делать из насильников импотентов.

– Бась, – кот муркнул, – а может, так и надо, брать и лишать эту сволочь самого источника насилия. Ведь если они ничего не могут как мужчины, то станут ласковыми как котики. А что им еще останется делать, как не муркать. Ничего, переживут.

Оксана рассуждала, а сама в это время поглаживала кота, а тот, вытянувшись вдоль ее тела, потягивал лапы.

Окончательно пропали страхи, теперь она не боялась ходить по вечерам по городу и подниматься по лестнице, если сломается лифт. «Им будет хуже», – рассуждала она и тихо про себя хихикала.

– Ты когда придешь ко мне? – позвонила Оксана Свете.

– В субботу, – пробурчала ее подруга.

– Ладно, тогда буду ждать, пошепчемся. Ага?

– Ага.

До субботы была куча времени, целых три дня. Оксана отбросила в сторону свои дела и села за мольберт. Работа шла быстро, буквально била ключом, давно она так не творила, как в эти дни. Сейчас не было заказов, и Оксана просто фантазировала. Вспомнила детство и стала делать серию зарисовок на деревенскую тему.

– Тут я впервые поцеловалась, – посадив Барсика на коленки и показывая ему эскиз, сказала Оксана. – А вот тут мы с Маринкой среди ботвы картошки загорали, а бабушка нас искала. А здесь мы купались, я так наглоталась воды, что думала все, мне конец. А вот тут у нас жил твой теска Барсик, ты бы видел, как он ловил ласточек. Сволочь, нет что бы воробьев. А это дедушкин сарайчик, ему, наверное, лет сто, если не больше, весь покосился, но какая фактура бревна. Ах, если бы ты видел.

21. Я тебе помогу

В четверг вечером без предупреждения заявила Света, она вся тряслась и готова была разрыдаться прямо в коридоре.

– Дети? – первым делом спросила Оксана.

– Из садика к маме.

– Фух, – выдохнула Оксана и стала помогать раздеваться подружке, а у той пальцы дрожали и путались в пуговицах.

– Идем, я сейчас.

Еще полгода назад, когда ее нервы стали ни к черту, Оксана купила себе настойку валерьянки. Если чувствовала, что взвинчена, брала маленькую ложку, делала десять капель, разводила с водой и, выпив, успокаивалась.

– Держи, пей до дна, двойная доза.

– Чего?

– Пей, кому говорят. Надо.

Света, стуча зубами о стакан, выпила содержимое и, отдав его Оксане, тут же скуксилась словно маленькая девочка и, захныкав, пустила слезу. Оксана села рядом, обняла подругу, почувствовала, как та дрожит всем телом.

– Все хорошо, ты у меня дома, это твоя крепость, и никто тебя не тронет. – Она потянула ее к себе, Света положила голову ей на коленки и закрыла глаза.

– Я ведь... Я ведь...

– Полежи, мы еще поговорим, а пока просто полежи.

Тут же пришел кот Барсик, ткнулся в мокрое лицо Светы, а после, словно она большая игрушка, забрался на нее и стал устраиваться.

– Все, теперь лежи, вот, на пачку салфеток и не шевелись, Барсик не любит, когда его тревожат.

– Ты его любишь?

– Кого?

– Кота.

– Да, он у меня единственный мужчина в доме, понимает, если что успокоит. Вот и тебя уже стал успокаивать.

Кот громко замурлыкал, Света вытянула руку и прикоснулась к нему. Кот замер и тут же осторожно цапнул ее за палец.

– Он меня укусил.

– Нет, он сказал: лежи и не дергайся, а то хуже будет.

– Здорово у тебя, тихо, спокойно. И зачем я родила детей, жила бы как ты.

– Не дури, ты счастливая, только он, похоже, у тебя гавнюк, – Света хихикнула.

– Похоже.

– Ревнует?

– Еще как, туда не ходи, сюда тоже, на того не смотри и не одевайся. Вчера порвал белую кофточку, помнишь ее?

– Не, а какую, с кружевами?

– Нет, ту я испортила, случайно постирала с детскими, стала розовой. Я после купила другую, у нее рукава как фонарики на завязочках, такая прелесть. В ключья.

– Козел.

– Я ему так и сказала, вот и получила.

– Дважды козел. Он у тебя какой-то больной, бешеный. То нормальный, то псих.

– Сказала, разведусь.

- И правильно, пусть знает свое место, нечего распускать руки.
- У меня болит.
- Что, где?
- Вот здесь, – и прикоснулась к бедру.
- Сейчас дам обезболивающее, если что пойдем в больницу, мало ли что. Хорошо?
- Пройдет, уже было.
- Нет, не пройдет. И забудь, что было. Это же надо быть идиотом бить женщину, мать своих детей. Все будет хорошо. Может, и правда разведись, разменяйте квартиру.
- Он не станет.
- А кто его будет спрашивать, подашь в суд на раздел имущества, у тебя ведь двое деток, а пока у мамы поживешь или у меня.
- Спасибо. Слушай, я, наверное, пойду, схожу в ванную. Можно?
- Я сейчас пущу воду, пока лежи. Видишь, Барсик заволновался, он тебя еще не доле-чил.

Оксана пустила воду, достала свой халат, полотенце и, забрав кота, отправила подругу в ванную.

- Не спеши, а я пока приготовлю покушать.

Сколько раз Света уже скрывалась от мужа у нее, раза три или четыре. «Когда-нибудь, он ее точно убьет. Вот идиот, и что теперь?» – думала Оксана, накрывая стол на кухне.

Через полчаса появилась Света и, отдернув в сторону ткань, показала огромный, уже почерневший синяк на бедре. Оксана промолчала, подошла и сняла халат с подруги. На спине, на ногах, на руках были старые синяки. Некоторые из них уже пожелтели, некоторые приобрели синюшный цвет, а некоторые были новые, еще красные.

- Идем.

Света, не надевая халата, пошла за Оксаной. Та поставила ее около телевизора, включила новости и, отойдя чуть подальше, взяла в руки телефон.

– Так нельзя, надо что-то делать. Поломает кости. А потом начнет бить детей. Повернись боком и подними руку. Больно? – Оксана прикоснулась к ребрам, на которых была длинная красная полоса. Света кивнула. – Теперь повернись спиной.

Оксана запечатлела буквально каждый синяк, что смогла увидеть, насчитала не один десяток, были маленькие и большие, размером с ладонь.

– Одевайся и пойдем, накормлю тебя, а потом подумаем, что делать. Так оставлять нельзя.

- Я боюсь.

- И...

- Я молилась, свечку ставила.

– Брось. Религия не работает, и никогда не работала. Верующие злятся, убивают, завидуют. А потом идут в церковь и молятся. Наверное, больше половины войн на земле из-за религии. Это кровавое лжеучение.

- А что тогда делать? – обреченно спросила Света.

- Я тебе помогу.

- Как?

– Это мое дело, и даже не спрашивай как, но я попробую, – сказала Оксана и, поправив на Свете халат, повела ее на кухню.

22. Раз, два, три, четыре, пять, сволочи, я иду искать...

«Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать», – эту считалочку Оксана помнила с детства, когда играли в прятки. Могла спрятаться на видном месте, а ее никто не видел. Однажды, когда все места в доме были уже забиты, она просто взяла в руки большое полотенце, обычно таким вытиралась после ванны, и, вытянув руки, встала в угол и закрыла себя, словно штора. Мишка тогда всех нашел, а ее так и не смог, вот было его удивление, когда она убрала полотенце.

Оксана решилась на самый отчаянный поступок в своей жизни. Она шла к Женьке поговорить о его непристойном поведении. Он открыл дверь. Почему-то Оксана не любила волосатых мужчин, словно они звери. Большое пузо выпирало вперед. «Фи, как неприлично», – подумала она и прошла в зал.

- Ты бы оделся, я ведь не твоя жена.
- Она у тебя спряталась?
- Одевайся и поговорим.
- Будешь?

- Нет, я не пью, ты же знаешь. А себе наливай для храбрости.
- Зря, нормальное, крепкое, бодрит.
- Странный ты, Жень, вроде добрый и в то же время изверг. Работаешь в полиции, должен быть примером, а сам.
- Бывает, погорячусь, но ведь прошу после прощения, а она что? Визжит, словно режу, вот и срываюсь.
- Я предложила Свете подать на развод.
- Что? – его глаза сразу вспыхнули, а пальцы сжались в кулак.
- А ты что хотел, чтобы я отговаривала и посылала ее обратно к маньяку домой? Нет, Жень. Так не годится. Узнают на твоей работе, что делать будешь? Уволят без пенсии. Подумай.
- Он залпом выпил несколько рюмок вонючего коньяка. «И как они могут его глотать?»,
- подумала Оксана, встала, подошла к стене, где висела их общая фотография с детьми.
- Милые, и ты тоже, – помолчала и добавила, – бываешь милым. Что не живете?
- Пришла читать нравоучения?
- Нет, ты большой мальчик, вон какоеупузико отрастил. Мне тебя нечему учить, но предупредить все же решила прийти.
- Его рука, словно железная лапа в снегоуборочной машине, загребла ее.
- Прекрати, я не для этого пришла, у меня есть с кем этим заниматься.
- Так займемся. Я голодный.
- Пойди поешь, – сказала Оксана и постаралась убрать его руку, но та даже не пошевелилась. – Убери, будет хуже.
- Да ну? – удивился он и шлепнул ее по заднице.
- Ай! – вскрикнула она.
- Хм... понравилось, – и он еще раз ее шлепнул.
- Убери свои руки, сволочь! Я тебе не баба. Может, ты с ними там заигрываешь, а потом приходишь к жене и бьешь ее?
- А ей нравится, она тебе не говорила? И тебе понравится, вот увидишь. Сейчас проверим, ну же, давай.
- Смотри не накаркай на себя беды, я ведь предупредила тебя.
- Оксана хотела поговорить и посмотреть на реакцию Жени. Да, думала, что этим все и закончится, но как-то не верила, помнила его отзывчивым и веселым. И даже то, что говорила Светлана и показывала синяки, не верилось. И вот теперь он ее шлепал по задку, словно Оксана кобыла, которую надо подгонять.
- Она попробовала вырваться, как-то не решалась заканчивать свою авантюру таким образом. Испугалась и вот теперь уже брыкалась на полу, а он стягивал с нее одежду.
- Я ведь к тебе как другу пришла, а ты...
- А мы как друзья и отдохнем, понравится, еще зайдешь.
- Оксана пожалела, что пришла. Там дома была храброй, но сейчас, когда он буквально ее распотрошил, она тряслась от страха и уже шептала: «Проклинаю тебя, проклинаю...». Его довольные глаза бегали по ее телу, а пальцы сжимали до боли грудь, и она, поскуливая, пыталась еще сопротивляться.
- Однажды в юности она услышала такую фразу: «Не можешь помешать, тогда наслаждайся». И стоило ему раскрыть ее врата и словно бульдозер войти в них, как все изменилось. Пламя вспыхнуло, и его языки, играючи, стали подниматься вверх. Оксана смотрела на этого зверя, что назывался мужчиной. Видела его глаза, губы и толстые морщины на лбу. Он дернулся, и она заорала. Ее рот тут же заткнула его рука. Задыхаясь, Оксана продолжила его проклинять.

Он словно хотел проткнуть ее своим шилом, тело скользило по ковру. «Проклинаю тебя! Проклинаю, изверг!» – еще не потеряв над собой контроль, кричала про себя Оксана. А он дергался и дергался.

Это не могло продолжаться вечно. Она сорвалась, резко повернула голову в сторону и, глотнув свежего воздуха, издала звериный рык, а потом все...

Что было дальше, она уже не помнила. Ее словно разорвало на мелкие кусочки. Оргазм уничтожил ее тело. Оксана тряслась, извивалась, хрипела и стонала.

Очнулась от тишины. Глаза были закрыты, где-то далеко пропиликала машина, а потом услышала музыку, что доносилась из телевизора. Тело гудело, словно трансформаторная будка. «Что произошло?», – спросила она себя и, открыв глаза, посмотрела на покачивающиеся от сквозняка шторы.

– Очнулась? Ну, ты, сука, меня напугала.

Оксана повернула голову на его голос. Он сидел в кресле и наливал себе в рюмку коньяк. Грудь после его пальцев ныла. «Проклинаю тебя! – прошептала про себя Оксана. – Проклинаю, изверг! Будь проклят ты и твой зверь!».

Она пошевелилась, было тяжело, тело не слушалось. С трудом села, а после, облокотившись на стол, встала.

– О... – он пошлепал по своей коленке, приглашая ее сесть.

Оксана не прореагировала. Нашла платье, лифчик, что валялся у самого балкона. Молча оделась, и уже придя в себя, повернулась и громко, что есть мочи, крикнула:

– Проклинаю тебя, насильник! Ты зверь! Проклинаю твоё семя, твой член! Проклинаю навечно! Проклинаю, и впредь твой червяк не поднимется на женщину! Никогда! Ты слышишь, урод?

Его глаза округлились. Нет, не от страха, а от смеха. Он закатился громким ржанием, словно и правда двинулся рассудком.

– Проклинаю! Ты больше никогда не познаешь женщины, никогда!

Оксана покинула этот ужасный дом. Теперь она понимала, что испытывала Светлана. И пока она шла, все твердила: «Проклинаю! Проклинаю! Проклинаю!».

– Ты где была? – придя домой, спросила ее Света.

– У твоего мужа, попробовала поговорить.

– Ты рехнулась?

– Нет, похоже, это он сдвинулся чуток.

Оксана зашла в комнату и стала раздеваться.

– А... – Света удивленно посмотрела на ее тело. – Ты без трусов ходила?

– Они остались у твоего мужа, похоже, он их коллекционирует.

– Ой, это он? – Света дрожащими руками коснулась груди Оксаны.

– Он, да, он. Я сделала, что смогла. Теперь ты решаешь, вернешься к нему или нет. Но я бы не смогла. Решай.

Через день Светлана уехала к своей маме, не рискнула возвращаться. Оксана знала, что Женя много раз приходил к Свете и просил у нее прощение, но она не смогла его простить. Не за себя, а за свою подругу. Через месяц он пришел к Оксане, но та даже дверь ему не открыла, сказала, что вызовет полицию, если тот будет стучать. И он ушел.

– Сработало.

Спокойно сказала Оксана и, прижав Барсика к груди, стала гладить его шерстку, а тот только этого и ждал, сразу громко замурлыкал.

– Раз, два, три, четыре, пять, сволочи, я иду искать... Кто там у нас дальше по списку?

Почему бы и нет

Часть 1

1. Нет, он не придет

– Ольга Михайловна?

Сегодня была суббота. Она полдня провозилась с домашними делами, после сбегала в магазин и теперь готовила голубцы по рецепту ее мамы.

– Да, – открыв дверь незнакомому человеку, ответила она.

Мужчина был какой-то странный, ему лет сорок или даже больше. Как только он увидел ее, сразу опустил взгляд вниз, словно что-то натворил.

– Слушаю вас. Что-то хотели? – Оля подумала, что это сосед сверху, те вчера весь вечер плясали, наверное, что-то праздновали, вот и пришел извиняться.

– Я с работы, ... – он замялся, вытащил пачку сигарет и зачем-то открыл ее. – У нас произошло ЧП.

– А вы кто? – Оля постаралась понять, что нужно мужчине.

– Максим Васильевич, – и, немного помолчав, добавил. – Веселов.

– Могу чем-то помочь?

– Ваш муж, он в больнице...

Вадим вышел на работу. До нового года надо сдать восемь этажей строящейся гостиницы. У него, как у молодого инженера, было не так уж много обязанностей, пока не доверяли. Но Вадим старался, понимал, что от первого задания зависит его дальнейшая карьера. Выходных не было, кран работал почти круглые сутки, подвозили бетон, кирпичи, ящики с проводами и трубами. Сегодня не его смена, но Вадим должен был проверить, как идет работа по укладке кабеля.

Что-то взвизгнуло, словно порвалась струна на гитаре, этот звук был ему знаком. Еще когда подрабатывал на сервере в студенческие годы, тогда они вытаскивали завалившийся на бок трактор. Два КАМАЗа, подцепив, пытались вытянуть из клейкой глины железного монстра. Трос не выдержал и, взвизгнув, лопнул.

Вадим ничего не успел понять, за стеной что-то грохнуло, к потолку взлетели ящики с инструментами, а после, как шрапнель, полетели куски битого кирпича. Удар, страх, боль, а после наступили чернота и эта боль, что пронизывала все тело.

– Что-то серьезное? – спросила Оля у мужчины, тот тяжело кивнул головой.

– Его отвезли в больницу.

– Ну, он к вечеру придет?

Еще когда Вадим проходил практику, случайно наступил на доску, в которой кверху торчал гвоздь. После того случая он почти месяц хромал, вот и сейчас она подумала, что произошло что-то подобное.

– Нет, он не придет.

– Нет?

– Он в больнице...

– Что случилось? Опять наступил на гвоздь?

– Нет, но, наверное, вам лучше поехать со мной.

– Да, сейчас, проходите.

Оля впустила в дом мужчину, пошла на кухню, посмотрела, как пыhtят ее голубцы. Подумала сделать огонь тише, ведь через час все равно вернется, но не решилась оставлять плиту включенной и выключила ее. Пока ехали, Оля молчала, смотрела на людей, машины, подумала о муже. Наверное, опять будет расстроен, а ведь они хотели завтра сходить в кино. Лишь только когда подъехали к больнице и вошли в широкое фойе, Оля почувствовала, что что-то не ладно. В этом здании одновременно царилась смерть, боль и счастье от того, что ты еще жив.

– Нам в реанимацию, – сказал Максим Валерьевич женщине, которая сидела за стойкой.

– Куда нам? – переспросила Оля и поняла, что произошло что-то ужасное.

– Его отправили туда. Идемте, надо надеть бахилы. Давайте я помогу, вот халат, а ветровку, наверное, лучше сдать...

Он что-то еще говорил, но Оля уже не слышала его, в висках барабанило, а в мыслях крутились самые страшные предположения.

– Нам куда? – заикаясь, переспросила она.

– На третий этаж, реанимация там.

– Реанимация?

– Да, идемте.

– Что с ним?

– Я не знаю, честно, не знаю. Мне позвонили, врачи еще ничего не сказали. На стройке произошла авария, он не должен был там находиться...

– Что с ним? – семена за мужчиной, опять спросила Оля.

– Идемте.

Поднявшись на третий этаж, они попали в какой-то иной, параллельный мир. Тишина. Вот что поразило Олю. Полная тишина, ни музыки, ни шума, даже их шаги, и те тонули в коридоре. Максим Валерьевич обратился к дежурной, их направили в другой конец здания.

– Надо подождать и успокоиться, – сказал он, а сам вскочил и, вытащив из кармана пачку сигарет, опять открыл ее, но тут же спрятал обратно.

Оля помнила, как ее отец бросал курить. Так же нервничал, то достанет из ящика пачку, то спрячет. Мама хотела все их выбросить, но он не разрешил, сказал, что это не поможет, пусть лежат как напоминание. Тогда он, словно наркоман в ломке, метался по квартире, и только спорт смог его отвлечь.

Она познакомилась с Вадимом на вечеринке у Иры.

– Смотри, какой мальчик. И представляешь, он свободный, – шептала ей на ушко Ирина.

– Ну же, не теряй время, а то уведут.

С Ириной Оля была знакома уже четыре года, студенческая жизнь быстро сводит людей. Кто-то сразу отсеивается, а такие, как Ирина, наоборот – остаются надолго. Оля не хотела ни с кем встречаться, как-то было не до этого, скоро диплом.

– Кажется, мы тут одни белые вороны, – сказал он и, не спрашивая ее, подсел рядом.

– Похоже на то.

И правда, все были парами. Марина с Виктором Буровым, а Мухина Света с Димой, Ира со своим Стасом.

– Может, притворимся, что знакомы? – предложил он.

Оля внимательно посмотрела на юношу. «А он, впрочем, ничего», – оценивая его внешность, голос и манеру поведения, сказала она себе.

2. Звонящий звук смерти

К ним никто не вышел. Оля стала нервничать и пошла к дежурной, но оттуда ее отправили обратно, сказав, что идет операция.

– Операция? – чуть ли не взвизгнула она и побежала к Веселову, которому, похоже, было не до веселья. – Он на операции, – заявила Оля. – Что случилось? Говорите.

– Я не знаю. У нас за двадцать лет на производстве почти не было травм. Крановщик задел за балку, она выбила крепления, сорвались шарниры, что выступали страховкой для лесов. Не знаю точно, что было, но его придавило. Сразу вызвали скорую.

– Придавило, – ее руки затряслись, в глазах потемнело и, шаря рукой, она с трудом нащупала диванчик. Сев на него, стала слушать гул, что нарастал в ушах. Казалось, что на тебя мчится поезд, еще немного и он...

– Все хорошо?

– Нет, – сквозь тошноту ответила Оля и провела ладонью по вспотевшему лбу.

– Я сейчас воды принесу, сейчас...

Шаги мужчины затихли.

– Придавило, – тихо прошептала Оля, и ей стало страшно.

Она не представляла свою жизнь без Вадима. После того вечера у Ирины они еще несколько раз встретились, а потом понеслось, словно на горках. Хочешь остановиться, но не можешь. Оля знала, что полюбила его. Пела, кричала, читала стихи, не могла спать по ночам, все время думала о нем. Он тоже по-детски влюбился, хотели пожениться, но его мама была

против, мол, пока не получит диплом, и речи не может быть. И тогда они тайком расписались и уже как факт сообщили родителям.

– Ольга Михайловна, слышите меня? – она подняла глаза и посмотрела на мужчину, который протягивал ей пластиковый стакан с водой. – Вот, возьмите.

Оля сделала глоток, совершенно безвкусная вода. «Странно, – подумала она. – Из крана дома, там вкус металла, а в общаге запах хлорки. А вот в деревне, где ее бабушка набирал из колодца, там сладкая».

– Спасибо.

– Это Егорыч.

– Здравствуйте, – сказала Оля, посмотрев на мужчину, он теребил в руках край халата.

– Он крановщик.

– Извините, – сразу сказал Егорыч, – зацепил, там узкий проем в шахту, опускал генератор и зацепил.

– Да, да, – тихо ответила она, – значит, вы крановщик?

– Да, я не хотел, понимаете, я...

– Понимаю.

Оля не знала, что сказать, ей стало одиноко, словно очутилась на голой скале посреди моря. Крановщик еще что-то говорил, но она его не слушала, а только видела перед собой лицо Вадима. Оля непроизвольно улыбнулась и спросила у Веселова:

– А когда его выпишут?

– Не знаю. Не знаю, – еще раз повторил он и, взяв ее руку, осторожно сказал. – Говорят, что это серьезно.

– Не шутите так.

Она знала, что с ее мужем ничего серьезного не могло произойти. С ним вообще ничего не происходило, разве что тот гвоздь в доске. Зимой все болели, а он нет, за всю жизнь не лежал в больнице. А когда пришлось проходить врачей, чтобы устроиться на работу, так его карточку не могли найти, потому что после армии он ее так и не завел.

Они просидели более двух часов. Наконец, к ним вышел мужчина в халате и стал методично все объяснять.

– Травмы серьезные, сейчас идет операция, поэтому наберитесь терпения.

– Серьезные? – не удержавшись, перебила его Оля.

– Да. Внутреннее кровотечение, разрывы органов, сейчас этим занимаемся. Но это только часть проблемы.

Доктор рассказал, что у Вадима поврежден позвоночник, пока ничего сказать не может по этому поводу. А также раздроблен тазобедренный сустав, перелом бедра и ребер.

– Хорошо, – не понимая, что конкретно происходит, Оля спросила. – А можно с ним поговорить, увидеть?

– Нет. Он в искусственной коме, идет операция. Подождите, вам потом расскажут.

Оля села, ей казалось, что этого не может быть, потому что не может быть. Нет, это происходит не с ней, и вообще она спит и видит этот ужасный сон. Вот сейчас проснется, вздохнет и обнимет его.

Крановщика отправили домой, тот нехотя ушел. Зазвонил телефон, но Оля не стала отвечать, а отключив его, спрятала как можно дальше. Мысли заикнулись. Она хотела подумать о чем-то хорошем, что сейчас придет доктор и скажет, что все хорошо, но ее женская интуиция говорила другое. Все плохо, слишком плохо.

Лишь спустя несколько часов к ним вышел уже другой доктор, наверное, это был хирург. Он стал перечислять травмы, сыпать научными терминами, которых ни она, ни Веселов не понимали.

– Можно к нему?

Доктор тяжело вздохнул и, кивнув, разрешил только ей пойти с ним. Поднявшись на этаж выше, они зашли в реанимацию. Множество приборов, проводов, трубок. Что-то мигало, где-то что-то тикало и тихо гудело.

– Прошу вас, он сейчас...

Доктор еще говорил, а Оля уже шла к большой койке, где лежал не то человек, не то что-то непонятное, словно существо из другого мира.

– Пока искусственное дыхание, он не может говорить, да и не услышит. Он в коме. Так ему лучше.

Оля видела фильмы про катастрофы, где героя увозят в больницу, а после его сшивают по частям. Но то ли видеть на экране, а то ли чувствовать запах и этот буквально звенящий звук смерти.

3. Страх прячется внутри

Оля хотела остаться, но ей не разрешили, сказали, не сейчас, да и бесполезно сидеть, завтра планировалась еще операция. Когда на горизонте стало светать, она вернулась домой. Комнаты опустела и стали чужими. Оля прошла по их маленькой квартире, ее им купил папа Вадима, он продал дачу и машину и взял приличный кредит. Они уже думали о детях, в маленькой комнатке сделают детскую, вместе смотрели обои и даже подбирали кровать. Пальцы дрожали, а в горле все время стоял холодный ком.

– Мамочка, – наконец придя в себя, Оля решила позвонить. Она, как могла, все объяснила, а после, без сил опустив руки, заплакала.

Мама приехала через час, выслушала дочь, прижала ее как в детстве и, дав выплакаться, уложила отдохнуть.

– Я не могу, мне надо ехать.

– И чем ты ему сейчас поможешь?

– Мам, я должна быть там, ему больно, плохо.

– Мы поедem, но пока отдохни. Уже звонила Галине Анатольевне? – Оля отрицательно покачала головой. – Ложись, вздремни немного, а я позвоню.

Оля легла на диван, укрылась пледом, что принесла ей мама, и почти сразу провалилась в тягучий липкий сон. Через пару часов она проснулась, голова гудела, шея ужасно затекла. В соседней комнате слышались голоса.

– Здравствуйте, Галина Анатольевна, – мама Вадима указала на кресло.

– Присаживайся. Мы позвонили, сейчас они снова оперируют, к пяти разрешили приехать, а пока надо просто успокоиться.

Оля смотрела на маму Вадима. Кажется, она была самой здравомыслящей в этой ситуации. Подогрела чаю, усадила всех за стол.

– Что произошло, того не изменить, поэтому, Олечка, будем ждать. Я съезжу в церковь...

– Я с вами, – Оля просто не хотела оставаться дома одна.

– Хорошо, допивай чай и поедem.

Молиться – значит льстит самому себе, полагая, будто словами можно изменить прошлое. Оля не верила в молитвы и все же поставила свечку. Она опять вспомнила, как они гуляли по парку под дождем, а после на последние деньги, что наскребли в карманах, съели одну пиццу на двоих. Ей его не хватало, хотелось взять его руку и приложить к своим губам. И вот теперь он там, лежит, и над ним колдуют хирурги.

Они все вместе приехали в больницу, но пропустили только Галину Анатольевну и Олю. Ничего не изменилось, все те же трубки и множество приборов, которые пугали не меньше, чем вид искореженного тела ее мужа. Мама Вадима сразу засыпала врачей вопросами, она

в свое время училась в мед академии, а после поменяла профессию, поэтому понимала, что происходит.

– Привет, милый, – стараясь не заплакать, сказала она.

– Он вас не слышит, – сказала медсестра и что-то подкрутила на приборе.

– Я знаю, в коме, – Оля знала, что сейчас ему лучше быть там и не чувствовать били. – Я тебя люблю, – она пододвинула стул и, присев, осторожно прикоснулась к его обнаженному плечу.

Однажды в детстве Оля видела, как разделявали корову в деревне, это было ужасное и в то же время столь интригующее зрелище. Она никогда не задумывалась, что там внутри тела, снаружи понятно, но там... Она смотрела, как складывали в тазик кишки, потом вырезали печень, сердце, легкие. И вот теперь, смотря на своего Вадима, она вспомнила те моменты из жизни.

«Что такое человек?», – как-то спросила она у Лешки, старшего брата своей подруги. Он давно уже закончил школу, считался самым умным и знающим. «Вертикальная лужа», – был его ответ. Да, сгусток нервов и множество органов, на которые страшно смотреть, но именно это и есть человек, именно его мы любим.

– Я люблю тебя, люблю, – тихо, чтобы никто не услышал ее, повторяла Оля.

Она просидела почти час, потом ее попросили покинуть палату.

– Ну что? – как только они спустились, спросила Олина мама.

– Есть хорошие новости, – тут же заявила Галина Анатольевна.

– Какие? – удивилась Оля. Ей казалось, что все плохо.

– Он жив. Да, Олечка, это хорошая новость, жив. С такими травмами он бы...

– Да как вы можете, он же ваш...

– Доча...

– Мама, он... Понимаешь... Он там...

– Он живой, – опять сказала Галина Анатольевна. – Он мой сын, мне больно, но он живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.